

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО 2033

КИРА ИЛАРИОНОВА, ЮРИЙ МОРИ,
ОЛЬГА ШВЕЦОВА, ВИКТОР ЛЕБЕДЕВ и другие

**ОНИ НЕ ТЕ,
КЕМ КАЖУТСЯ**

FUTURE CORP.

Метро

Анна Калинкина

**Метро 2033: Они
не те, кем кажутся**

«Издательство АСТ»

2019

Калинкина А. В.

Метро 2033: Они не те, кем кажутся / А. В. Калинкина —
«Издательство АСТ», 2019 — (Метро)

ISBN 978-5-17-119380-5

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Во Вселенной Метро 2033, как и в реальной жизни, друг может оказаться предателем, добропорядочный гражданин – серийным маньяком, невзрачный сосед – агентом вражеских спецслужб, а в организме случайного попутчика могут протекать такие необратимые процессы, что уже и не определить, человек ли он. Все окружающие – не те, за кого себя выдают! В этот сборник вошли лучшие тексты, написанные уже знакомыми читателям и совсем новыми авторами Вселенной Метро.

ISBN 978-5-17-119380-5

© Калинкина А. В., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Основные составляющие	6
Кира Иларионова	8
Александр Лепехин	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Метро 2033

Они не те, кем кажутся

авт. сост. Анна Калинкина

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

Автор идеи – Дмитрий Глуховский
Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин
Художник – Игорь Соловьев
Картограф – Леонид Добкач

© Д. А. Глуховский, 2017
© Коллектив авторов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Основные составляющие

Объяснительная записка Алекса де Клемешье

Вот и мне выпала честь опубликовать объяснительную записку, и я рад приветствовать всех читателей, всех поклонников серии!

Вселенной Метро я занимаюсь в должности ведущего редактора уже полгода, однако шанс пообщаться с вами появился только сейчас. Зато и повод для общения – что надо! Выход сборника лучших повестей и рассказов – это всегда событие незаурядное. На страницах книги, которую вы держите в руках, собраны замечательные тексты, настоящие жемчужины, которые я раздобыл тем или иным образом. Какие-то из них по разным причинам довольно долго пыились у авторов в ящиках письменных столов, другие появились на свет всего-то пару месяцев назад. Тем не менее, всем им пришлось пройти несколько ступеней отбора, наряду с массой других текстов, которым повезло меньше.

Составление сборника – занятие интересное, местами приятное и в каком-то смысле азартное, но очень уж неблагодарное. Мало того, что составитель берет на себя персональную ответственность за качество отобранного материала, так он еще и вынужден примерять некомфортную маску ясновидящего. Почему ясновидящего? А попробуйте-ка предугадайте, какие рассказы из общего пула присланных текстов «зайдут» массовому читателю, а какие не понравятся поклонникам серии, включая самых непрятязательных! И даже в том случае, когда лично ты доволен итоговым составом и гордишься проделанной работой, обязательно найдутся люди (пускай всего лишь один или двое), которые бросаются аргументированно доказывать, почему данный сборник не идеален, как неправ составитель оного и кто на самом деле должен быть опубликован всегда и везде, невзирая на.

На что же делать ставку при формировании такого рода изданий, чтобы угодить читателю? На собственный вкус? На интуицию? На рекомендации преданных поклонников серии? На известные во Вселенной Метро фамилии?

Мне повезло – идти на компромиссы не пришлось. Разве что назвать компромиссом проведенный мною конкурс рассказов в экспериментальном, непривычном для завсегдатаев формате. На сей раз участие в творческом соревновании было анонимным, а в качестве строгих судий выступали сами же конкурсанты: именно они выставляли оценки своим соперникам, даже не подозревая, кто написал тот или иной рассказ; именно они выбрали победителя и призеров путем голосования. И когда маски наконец были сняты, обнаружился любопытный нюанс: пьедестал почета заняли совсем не те авторы, которые считались фаворитами до начала состязания. Более того – поклонникам Вселенной Метро их имена вовсе незнакомы! Так и хочется вопросить: а те ли они, за кого себя выдают? Те ли, кем кажутся? Или это как раз наглядное подтверждение того, что принять участие в расширении Вселенной может действительно каждый?

Еще в процессе конкурса я отметил для себя несколько произведений, которые с удовольствием включил бы в сборник, однако решил дождаться окончательных результатов, чтобы проверить собственную объективность. Покажется ли вам удивительным тот факт, что мой выбор и выбор участников литературной баталии совпал абсолютно? Тот самый случай, когда составляющие: вкус редактора, интуиция и итоги голосования других авторов – не отличались друг от друга ни на йоту.

Конкурс подарил нашей серии новые имена; уверен, вы по достоинству оцените творчество этих авторов. Однако и знакомые фамилии вам здесь встретятся – рекомендованные корифеями произведения вписались в концепцию сборника идеально! Хотелось бы поблагодарить

Анну Калинкину и Ольгу Швецову: именно с их подачи были привлечены Кира Иларионова, Виктор Лебедев и Игорь Осипов – авторы, уже давно любимые читателями.

В общем, не стану отвлекать вас от главного – читайте и получайте удовольствие! Будет очень интересно сравнить впечатления. А заодно и понять, ясновидящий я или только выдаю себя за него.

Кира Иларионова

Игры разума

– Пожалуйста, не надо, – жалобно стонала она, вжимаясь в стену с такой силой, будто хотела слиться с ней и стать единым целым, в одночасье превратившись в камень. Камни ведь ничего не чувствуют. Им не бывает так страшно. Не бывает так больно.

– Пожалуйста? Хочешь по-хорошему? Я предлагал! Предлагал тебе, лживой суке, согласиться сразу. Сдохла бы тихо и почти безболезненно. Но ты же гордая. В тебе же бабья солидарность играет.

– Умоляю. Я ведь... Клянусь, я ничего не знаю. Не знаю ничего об Алисе!

– Заткнись, мразь! – Он с силой ударил ее головой о стену, с удовольствием истинного садиста наблюдая, как медленно струится кровь по пшеничному золоту волос. – Ты и есть Алиса!

– Нет... хватит, умоляю... Не надо... Не надо... я не Алиса. Не Алиса! Не Алиса...

* * *

Мерный, отчетливый стук подошв по шпалам вдребезги разбивал мертвую тишину туннеля. Размеренный, как метроном. Тук-тук, тук-тук. А, черт, вот опять. Поскользнулся и едва позорно не загремел зубами по рельсам. Восстановив равновесие, я тихонько засмеялся. Всегда со мной так. Думаю о чем-то отвлеченном вместо того, чтобы по сторонам глядеть. Как говорит старший: «Егор, продолжая витать в облаках, ты таки найдешь приключения на филейную часть! И не факт, что они будут с хэппи эндом». Вы правы, Сергей Викторович. Можно сказать, уже их нашел...

Тихонько вздохнув, я на мгновение включил диодный фонарь и обшарил лучом пространство впереди. Все те же ржавые трубы, влажные бетонные стены в потеках не то плесени, не то речного ила и старые, покрытые бахромой изоляции провода. Из тех, что еще не расстали на нужды станций. Ничего нового.

Погасив фонарь, я вновь окунулся во всепоглощающую тьму перегона. Постою, пожалуй, еще немного, пока глаза не привыкнут и по внутреннему веку не перестанут расплывать цветные круги.

Когда я был совсем маленьким, метро казалось мне огромным удивительным существом. И даже катаясь в нем едва ли не каждый день, я всегда находил причины для новых открытий – самое яркое из них было связано как раз с туманом. Сколько себя помню, мне всегда нравилось смотреть в окна вагонов, до боли вглядываясь в лабиринты змеящихся по стенам проводов. И именно там, за этой стеклянной преградой, отделяющей меня от холодного мира туннелей, начиналось настоящее чудо. Теплый свет ламп, неровными прямоугольниками бегущий по сводам перегонов, вырывал из объятий тьмы то неизвестные ответвления подземной дороги, то таинственные углубления в стенах, которые, казалось, пожирали жгуты проводов как спагетти. А на самой границе этих беспокойных световых окон, там, где мгла вновь отворялась сданые было позиции, клубился серый туман. Скрывая собой рельсы и днища вагонов, он создавал иллюзию полета. Позже, в юности, я узнал об интерференции и дифракции света, но все равно продолжал наслаждаться этим нереальным, невозможным полетом под землей.

А двадцать лет назад прекрасное существо по имени Метро умерло. В его венах-туннелях навеки замерли вагоны-эритроциты, железными тромбами перекрыв путь дыханию и жизни, а в гниющем трупе завелись паразиты-люди. Год за годом мы разъедали его тушу изнутри.

Теперь метро пахнет кровью, потом, свиными и человеческими испражнениями. А еще порохом. Наверно, именно так и заканчиваются сказки...

Глубоко вдохнув, я расправил плечи и продолжил путь, вновь отсчитывая шпалы. Все говорят, что мое поведение по-детски наивно, но все же я продолжаю искать волшебство в этом грязном мире и день за днем вглядываюсь во тьму в надежде вновь увидеть тот самый молочный туман. Правда, с годами все реже. Наверное, я бы окончательно потерял веру, если бы не встретил Широ.

Сладкие мысли о прекрасной девушки прервал мелькнувший за поворотом свет. Другой на моем месте насторожился бы, наверное, – я же, высунув из карманов руки, лишь прибавил шаг.

Добравшись наконец до поворота, я на мгновение замер, собираясь с силами, чтобы с беспристрастным лицом и холодной головой пережить это еще раз. Какая уже по счету? Седьмая... Из тех, что удалось отыскать. А сколько еще их раскидано по всему метро? О скольких даже не сообщили от безразличия или страха? Так, не думать об этом. Не думать. Сейчас работа.

Завернув за угол, я окунулся в какофонию ругани и скрипа карандашей по бумаге. Еще одна особенность туннелей: ты можешь стоять всего в паре шагов и не слышать, что творится за поворотом. С другой стороны, и твои оппоненты заметят тебя, лишь получив пинок под зад. Из-за этого часто происходят казусы, особенно с молодыми да горячими солдатиками.

– Стоять! Руки в гору! – тоненько заверещало нечто нескладное, упакованное в старенький, застиранный камуфляж.

Именно из-за таких персонажей я и вынимаю руки из карманов перед тем, как подойди к месту преступления. Скривившись, я все же достал синюю корочку с гербовым тиснением, после чего лицо паренька сменило целую палитру цветов, будто не решаясь остановиться на каком-то определенном. Вытянувшись в струнку, он попытался отдать честь, но лишь неловко стукнул себя «калашом» по лбу. Горе луковое... Зато с цветом все-таки определился. Ярко-малиновый – отличный выбор!

– Вольно, – нарочито грозно пробурчал я, проходя мимо бедняги. Так, главное сейчас – не заржать как конь. Держись, Егорка, гордость следовательскую не посрами!

Впрочем, буквально через пару шагов смеяться резко расхотелось. На этот раз парни даже станционный прожектор приперли – видимо, надоело копошиться в потьмах.

– О, явился, наконец. Что так долго? – слева, на границе света, зажегся алый уголек.

Сашка Утесов. Опять смолит.

– А ничего, что сейчас ночь, рейсовых дрезин, кроме грузовых, нет, и мне через две станции пилить пришлось? – да и не слишком я торопился, не то мероприятие. Моя воля, вообще отказался бы от дела, да только кто позволит?

– Опять по дороге ворон считал в ожидании чуда? – он усмехнулся. Гаденько так усмехнулся и щелчком отправил окурок в полет. Хорохорься, брат, это не зазорно. Я же вижу, как мелко подрагивают у тебя руки. Ты тоже еще не привык. К подобному невозможно привыкнуть.

– Шпалы я считал. Ну, что у нас? – голос ровный, вот только я все чаще ловлю себя на том, что специально стараюсь смотреть куда угодно, но не на причину нашего ночного randevu.

К подобному невозможно относиться спокойно... Если ты – мужчина... Если ты все еще Человек.

– Сам посмотри, – прошипел Саня сквозь зажатую в зубах новую сигарету.

Прикрыв глаза, я глубоко вдохнул. И, развернувшись, шагнул в филиал сюрреалистического ада.

Она лежала на шпалах поломанной куклой. Рваная в лоскуты одежда практически не прикрывала хрупкое тело. Тоненькие ручки беспомощно раскинуты, будто в последние мгновения она хотела обнять весь мир. Пшеничные волосы разметались по рельсам. Удивительно

длинные для современного мира, они мягко преломляли яркий свет прожектора и впитывали все его тепло, будто стараясь вновь согреть холодную бледную кожу. Когда-то эта девушка была невероятно прекрасна... Вот только у нее отняли красоту. Вместе с жизнью. Все тело покрывали многочисленные ссадины, синяки и рваные раны. Несколько пальцев на руках вывернуты из суставов. Внутренняя сторона бедер и живот истерзаны особенно сильно, будто ее рвала когтями дикая кошка. Но что вселяло настоящий ужас – ее лицо. Опухшие от побоев веки не скрывали выкатившиеся в ужасе голубые глаза. Лопнувшие губы же, наоборот, растянулись в какой-то хищной, неправильной, безумной улыбке.

– Есть новые сведения? – тихо спросил я у склонившейся над телом фигурки в белом халате. Голос мой осип, будто от сильной жажды. Хоть не дрожит, на том спасибо.

– А? – Аня, а сегодня нашим судмедэкспертом была именно она, повернулась ко мне, – А, Егорка, привет.

Поднявшись, она чуть смущенно улыбнулась, сняла старенькие очки и принялась прорицать их краем подола, подслеповато щурясь. Будто издеваясь над своей хозяйкой, ее русая челка все норовила залезть в глаза.

– Нового? Особо ничего. Как и предыдущие жертвы, эта девочка просидела в заточении около недели. Если кормили ее, то не шибко сытно, налицо признаки истощения. А вот насиловали с завидной регулярностью. Многочисленные разрывы тканей.

Анечка тихонько чихнула и водрузила очки на полноватый носик.

– Хотя есть и небольшие отличия. Например, судя по состоянию запястий и кистей, бедняжка сопротивлялась больше остальных. Видишь, борозды от веревки на коже глубокие, местами рваные едва не до мяса. Четыре пальца выбиты из суставов. Она рвалась в своих путах. Но тот, кто ее похитил, умел вязать узлы. И еще...

Медик наклонилась к телу и приподняла руку девушки.

– Под ногтями кровь и лоскутки кожи. Не ее. Я почти уверена, что ей удалось поцарапать убийцу. Эх, если бы у нас было довоенное оборудование и базы данных, смогли бы получить ДНК. Хотя... Ничем бы нам это не помогло.

– То есть опять никаких зацепок? – неужели я еще на что-то надеялся?

– Нет. Кроме очередной визитки убийцы, ничего.

Аня протянула мне игральную карту, завернутую в прозрачный целлофановый пакет. Червонная дама с нарисованной широкой зубастой улыбкой.

– Личность девушки удалось установить?

– На этот раз да. Дарья Игнатьева. Фаворитка ганзейского купца с Киевской.

– Уже что-то. Ладно, ребята, сворачиваемся. Труп со всеми данными на соседнюю станцию. Утром начнем допрашивать народ, вдруг свидетели обнаружатся. И это... – я на мгновение запнулся. – Известите родных девушки.

* * *

– Вам бы, товарищ следователь, на поворотах полегче. Здесь не красная ветка. За подобное и гостинец в лоб схватить можно, – толстозадая жаба в дорогом костюме приторно улыбнулась мне и, не прощаясь, вышла за дверь.

За ней тенью последовал амбал с каменной рожей, чуть прикрытой поцарапанными солнечными очками. К слову, едва протиснувшись в дверной проем широченными плечами. Показушки. В иерархии Ганзы этот хрен – шестерка на побегушках, а гонора на десяток императоров хватит. Торговцы, короли мира, мать их. Жалкие, грязные, тупые корольки... Так, Егор, хватит. Выыхай.

Я разжал кулаки и стряхнул со стола стружку. Такими темпами все казенные карандаши изведу. Спокойней надо быть, сдержанней. Выдохнув сквозь сжатые зубы, я обессиленно опу-

стился на стул и бездумно уставился на исписанные листы бумаги. Прокрутил в голове недавний допрос.

«– Есть ли у вас информация о родных Игнатьевой?

– Нет у нее родных.

– То есть как?

– А вот так. Я ее на соседней станции подобрал, она в свинарнике работала. Умыл, приодел. Она и рада, не в свином говне копаться, а в дорогущих шмотках ходить да бывших подружек в грязь втаптывать. Ножки раздвигать умела – хоть по ней и не скажешь, а той еще ненасытной сучкой была.

– Подбирайте слова… Мы, в конце концов, о мертвой девушке говорим…

– И что дальше? Тебе ее жалко, следователь? А мне вот больше бабла, в нее вложенного, жаль. В остальном же таких, как она, девочек, готовых трахнуться с любым за хорошую жратву, по метро сотни ходят. Подбирай не хочу…

– Слушай, ты…»

Жестокие, мерзкие, грязные слова никак не хотели выходить из головы. «Таких, как она… готовых». И что самое страшное, этот торгаш прав. Вместе со сказкой в мире умерли и понятия чести, совести, чистоты. Люди превратились даже не в животных – в одноклеточных, ведомых простыми инстинктами: «Жрать, срать, трахаться, спать».

Тихо ругнувшись, я разложил перед собой семь тоненьких папок. С обложек на меня грустными глазами смотрели черно-белые лица девушек. Странно, но у нашего зарисовщика, как бы ни улыбались ему натурщики, всегда получается именно такой взгляд, обреченный и забитый.

Семь девушек. Примерно одного возраста. Похожие, как сестры: мягкие, еще детские черты лица, пухлые губы, большие голубые глаза, пшеничные, чуть выющиеся волосы. Никак не связанные между собой жизни, имевшие одинаково жестокий, кровавый конец. Одна родом с красной ветки, одна с рыжей, одна с Кольца, одна из Полиса. И еще три девушки так и остались неопознанными. Еще три безымянных трупа в братской могиле метро.

Почему жертвами Чeshire стали именно они, в общих чертах понятно. Просто не повезло иметь типаж, за обладательницами которого охотился маньяк. Чеширский кот – так в шутку назвали его ребята из следственной группы, выехавшей на место первого преступления. Виной тому его визитка, игральная карта с нарисованной улыбкой того самого героя из сказки. После третьей жертвы смеяться расхотелось даже самым отчаянным.

Ирония судьбы: я так долго искал сказку в новом мире, и вот нашел. На свою голову.

Ладно, не время. Сейчас мне необходимо понять, почему он убивает именно их. Даже не так, почему перед тем, как лишить их жизни, он истязает, мучает? Мне необходима хотя бы маленькая зацепка, нить Ариадны, раскрутив которую я смогу выйти на его след.

Мой наставник, Игорь Игнатьевич, всегда акцентировал внимание на том, чем отличается обычный убийца от серийного. Первый, совершая преступление, находится в психологически стрессовом состоянии. Его так называемый механизм защиты разума дает сбой, вследствие которого накопленное в бессознательном слое напряжение выливается не маленькими порциями, а сбрасывается моментально, в едином порыве. Для серийного же маньяка такая схема привычна и правильна. Из-за детских травм, сильнейшего неудовлетворения социальным положением или же просто желания наслаждаться страданиями людей, свойственного ему, предсознательное не столь сильно контролирует бессознательное, однако в этом и заключается сложность поимки серийных. Сбросив напряжение инстинктов и боли, их разум вновь закрывается маской нормальности, а воспоминания о содеянном меркнут, если не стираются полностью. Потому серийные убийцы, совершив преступления, не притворяются нормальными

членами социума, они живут нормальными: любящими отцами, верными мужьями, примерными работниками.

Распознать серийного убийцу можно лишь в предстрессовом состоянии, зажав его в тиски фактами либо поймав «на живца». Или же дождавшись, когда его разум окончательно деградирует и маньяк, сам того не осознавая, выдаст себя. Последний вариант самый простой, но сколько на это потребуется времени? И сколько еще жертв? Нет, я не могу ждать. Не выдержу новых изломанных и покалеченных женских тел. Думай, Егор. Думай! Ты обязан.

Откинувшись на спинку стула, я закрыл глаза и с силой сжал виски.

* * *

Яркие, теплые лучи солнца касались моих глаз, прянный запах луговых цветов с примесью терпких ноток древесной смолы щекотал ноздри. Я нахмурился, скорее из вредности, и перевернулся на другой бок, плотнее укутываясь в нежную ткань простыни. В такие моменты всегда начиналась внутренняя борьба: скорее распахнуть глаза или еще ненадолго отдаться той неге, что поселилась во мне.

Но Она всегда делала выбор за меня. Тонкие, чуть прохладные пальчики нежно пробежали по моему лицу, остановились на открытом плече и мягко, но настойчиво толкнули, заставляя меня перевернуться на спину. Следом я ощутил давление на бедрах и горячие, даже сквозь простыню, объятия согнутых в коленках ног, заставившие все тело мелко задрожать. Льняная ткань охотно соскользнула с моего торса, и вот уже его касаются мягкие, ласковые губы. Поднявшись по линии ключицы к подбородку, она нежно поцеловала мои веки.

– Просыпайся, соня, – тихий, на придыхании голос.

Я распахнул глаза, чтобы утонуть в бездонных темно-карих, практически черных омутах. Чтобы ощутить, как волна ее прямых, воронова крыла волос щекочет лицо. Чтобы рывком потянувшись к изогнутым в легкой улыбке губам...

И лишь когда солнце перестало заглядывать в резное деревянное окно, окончательно закрепившись в зените, она села на кровати и потянулась всем телом, по-кошачьи выгнув точечную спинку. Ворохе подушек и скомканного постельного белья отыскала тунику и спрыгнула с ложа, мягко приземлившись на пол босыми ножками. Озорно улыбнувшись, она буквально стянула меня с кровати. Позже мы пили из больших деревянных кружек парное коровье молоко, заедая его все еще пышущим жаром печи хлебом. Она звонко смеялась, слизывая с моей верхней губы «усы». Гуляя по лесной тропинке, мы разговаривали ни о чем: о хорошей погоде, о пении птиц, о весенних цветах.

И лишь когда солнце потянулось к закату, а мы в сладком изнеможении лежали на берегу речушки, она позволила себе быть серьезной.

– Егор, я же вижу, тебя что-то беспокоит, – мягко проговорила она, приподнявшись на локте и одарив меня долгим задумчивым взглядом чуть раскосых глаз.

Я тяжело вздохнул и, закинув руки за голову, промолчал. Любят женщины так разговор начинать. Весь, как говорит молодежь, кайф обламывать. Хотя, что уж тут, я и сам хотел с ней об этом побеседовать. Широ очень умная девушка, да и знания у нее иногда несколько... Недоступные остальным.

– Не молчи, а то я тебя мучить начну! – воскликнула она, тюкнув меня маленьkim кулаком в плечо.

Перехватив руку, я потянул ее, чтобы девушка завалилась на меня, и хитро произнес:

– А как ты будешь меня мучить?

– Егор!

– Да ладно, ладно.

Я отпустил Широ, но она продолжала лежать на мне, уперев в мою грудь локотки.

– Проблема… В том деле, над которым я работаю.

– Неужели нашли очередную девушки? – Глаза Широ широко распахнулись, став неестественно круглыми для ее японской народности.

– Да. И боюсь, она будет не последней.

– Следов, как всегда, нет?

– Почему же, есть. Но не в наших возможностях их разгадать. Девушка смогла поцарапать Чешира, прежде чем…

– Прежде чем он ее задушил. Не стоит в разговоре со мной стесняться подобных слов.

Широ скатилась с меня и села, уставившись на размеренные воды речушки, слегка подкрашенные розовым закатом. Невольно я вновь залюбовался ее обнаженной фигурой. Моя Широ Юсаги. Моя девочка… Кто бы мог подумать.

– У тебя есть какие-нибудь новые мысли? – ее задумчивый голос вырвал меня из фантазий.

Так, теперь главное согнать с лица похотливую улыбочку. Соберись, Егор! А ну, друг, ша, спокойно!

– Мысли есть, конечно, правда, не знаю, насколько они могут помочь. Девушке удалось поцарапать Чешира. В идеале, конечно, если бы она зацепила ему лицо… Но что-то мне подсказывает, что нам вряд ли так повезло. Да и мало по метро царапанных ходят?

– Тут ты прав. Ей скорее удалось вцепиться ему в спину. Или в руки, плечи… Но все эти участки, я так понимаю, у вас обычно закрыты. Там ведь холодно, да?

И почему, когда она говорит о моем мире, у нее так меняются глаза? Что это за чувства поселяются где-то за радужкой? Тоска, переживание, боль? Не знаю.

– Да, у нас очень холодно. И сырь. И ветер в туннеле пробирает до костей.

– Так оставайся здесь! – вот Широ вновь смеется. Только сейчас ее улыбка пластмассовая, неестественная.

– Я бы с радостью, но…

– Я знаю, – она никогда не дает мне договорить эту фразу, просто не хочет слышать. – Пойдем.

До нашего деревянного домика, расположенного посреди поляны, мы добрались лишь к сумеркам. Она всегда укладывает меня на кровать, как ребенка, но никогда не ложится рядом. Лишь садится на краешек и нежно гладит мою грудь. Подчиняясь этой медитативной ласке, глаза начинают медленно смыкаться.

* * *

– Широ… – пробормотал я и тут же ощущил сильнейший толчок под дых.

Распахнув глаза, я попытался собрать в кучу крутящийся перед глазами мир, но падение на каменный пол резко прервало этот процесс.

– Какого черта… – прошипел я, поднимаясь на четвереньки и потирая ушибленную голову.

– Это я должен тебя спросить, какого черта ты меня бабым именем называешь, – нарочито спокойно ответил до боли знакомый мужской голос.

По роже ему, может, дать, чтобы больше не будил занятых людей в такой манере? Нет, лень, да и бесполезное это занятие. По молодости сколько с ним потасовок ни устраивали, все равно каждый оставался при своем мнении. Может, потому мы и стали довольно эффективным следовательским tandemом.

– Я думал, он тут над делом кумекает, решил не мешать. А он дрыхнет!

– Утесов, – угрожающе прошептал я, поднимая с пола опрокинутый стул. – Во-первых, я не спал. Глаза на пару минут прикрыл, не больше. Во-вторых, даже если и так, имею полное право. Трети сутки на ногах.

– Один ты, что ли, не спишь? Кто виноват, что жертвы участились? – картино изогнув белесую бровь, он пустил мне в лицо облачко дыма.

Вот что с ним делать, столько раз просил не курить в моем кабинете. Не дай бог, бумаги подожжет, как их потом восстанавливать?

– Потуши сигарету, раздражает.

– А то что? – Он демонстративно стал пускать кольца.

Я завороженно наблюдал, как на шее Сани дергается кадык, а маленькие дымовые бублики покидают его рот и, поднимаясь под низкий потолок, постепенно разрастаются, тая в воздухе.

Где-то на грани моего разума в мутном тумане на мгновение появилась размашистая улыбка Чеширского кота и так же бесследно растворилась.

– Ты меня вообще слушаешь? – прокричал мне в самое ухо Утесов.

– А, чего? Нет… В смысле да, слушаю. – Я потер глаза и отвернулся к разложенным на столе папкам. Что-то в последние дни совсем сдавать начинаю, голова как каменная.

– Ну хоть честно ответил. – Напарник потушил окурок о подошву берца, по привычке свернул его буквой «с» и кинул обратно в пачку. – Я говорил о том, что пока ты по бабам во сне слюни пускал, мы тут с народом на станции поработали. Как и ожидалось, никто ничего не видел, не слышал.

– Челноков опрашивали?

– Конечно. Они нам таких баек понарассказывали… Только не по теме все.

– А водителей дрезин?

– При чем тут… – начал был Утес, но замялся под моим угрюмым сосредоточенным взглядом. – Нет, их не трогали. Все равно того, кто мог проезжать здесь в примерное время убийства, еще отловить надо. В штате транспортников водил же десятка два, не меньше!

– Значит, будем опрашивать все два десятка.

Подняв с пола форменную куртку, слетевшую ранее со спинки стула, я отряхнул ее и накинул на плечи. За пределами каморки начальника охраны Киевской, заботливо одолженной нам в качестве штаба на время расследования, сквозит сильнее, чем здесь из бетонных щелей. Как же меня раздражают этот холод и промозглая осень длиной в жизнь… Быстрее бы на тот свет, в ад. Хоть погреюсь.

* * *

– Ты можешь мне по-человечески объяснить, почему мы пятый час сидим на ближнем посту и отлавливаем дрезины? Мне осточертело уже мерзнуть в этом туннеле! – боялся Саня.

– Потому что. Включи мозги. Или тебе удостоверение следователя нужно только для того, чтобы девушек цеплять?

– Егор! Мне скоро цеплять уже нечем будет! Все цеплялки от обморожения отвалятся! Ну с чего ты взял, что водилы могут что-то знать?

Я тихонько вздохнул и, сложив руки на груди, ближе придвигнулся к костру. Постовые уже откровенно потешались над непоседливым напарником. Да и, что таить, над моим ледяным спокойствием тоже. Боюсь, мы станем причиной еще десятка не слишком забавных шуток об «этих коммуняках».

– Саша, вспомни одно из главных правил информаторов: «Чем меньше тебя замечают, тем больше ты сможешь услышать». Водителей дрезин люди часто воспринимают как мебель. Этакий автоматизированный механизм, жмущий на рычаги. Да и гул работающего движка мно-

гие считают достаточной шумовой завесой, забывая, что мотористы привыкли ежедневно слушать туннели и на слух редко жалуются.

– Как искать иголку в стогу сена.

Я промолчал и вновь уставился в темноту туннеля, ведущего к Парку культуры. Саша ошибался. Иголку искать сложнее – сена слишком много. А вот рейсовых дрезин, как и их водителей, на кольце всего пять смен, три из которых мы уже поймали. И, судя по отблеску фар, приближалась четвертая.

Отойдя ближе к стене, я подождал, когда ее тормознут постовые, и пока те были заняты словесной перепалкой с возмущающимися пассажирами, тихо подошел к скучающему водителю. Боковым зрением зацепил неотрывно следующий за мной мерцающий красный огонек. Когда доходит до дела, Саня умеет быть серьезным. Дымил бы только поменьше...

– Здравствуйте, уважаемый.

– Да, и тебе не хворать, – добродушно отозвался водитель. – Спрашивай, коли нужда, только пошустрее, а то тут вон некоторые, – он кивнул в сторону дородной женщины, с руганью подорвавшейся со своего места, – особо чувствительные богу душу отдать готовы: ишь, как слюной брызжет, сюда долетает.

– Так сразу и догадались, в чем настоящая причина задержки? – я улыбнулся, разглядывая забавного собеседника.

– А чего ж не догадаться? Или думаешь, что голова у Панкратыча только для шапки? Да и то сказать, тут и недоумок скумекает – про татя этого, до молодух жадного, все метро гудит. – Мужичок зажал одну ноздрю грязным пальцем и смачно высморкался на пути. – Так чего сказывать-то?

– Можно узнать ваше имя? Для протокола.

– Михаил Панкрадович я. Говорил же... Или не слышали, товарищ полицай? Или как там вас правильно-то? Михаил Панкрадович – это по паспорту, а так, если попросту, то Панкратычем кличут.

– Хорошо, Михаил Панкрадович. Не могли бы вы вспомнить, в последние месяца два не было ли странных пассажиров, проишествий?

– О-о-о-о. – Мужичок засмеялся тихим булькающим смехом, отчего стал похож на старый электрический чайник. – Скажете тоже. Я каждый день столько народу вожу, разве всех упомнишь! А проишествий... Да вроде тихо все. Ан нет, погодь! Было. Месяц назад дрезина сломалась посередине перегона. И что ей, заразе такой, не понравилось? Так и не сдвинулась с места, пока с соседней станции подмога не пришла. Пока ждали, думал, бабка одна мне всю плешь проест. И вот еще...

И этот тоже ничего не слышал и не видел. Извечный принцип невмешательства. Даже если тебя в толпе резать начнут, все отвернутся и заткнут уши. Потому что их это не касается, потому что никто не хочет себе лишних проблем. «Моя хата с краю» – как удобно этим объяснять собственное малодушие. И только когда беда приходит в наш дом, мы вдруг удивляемся, почему никто не протягивает руку помощи, не защищает, не борется за наши права? И мы начинаем орать о коррумпированности власти, бесполезности военных, эгоизме соседей, забывая, что сами в подобной ситуации не потрудились даже зад почесать.

– ...босяка этого несет, как из коровника. Аж глаза слезились.

– Что, простите?

– Несло от него, говорю, как из ведра отхожего! Чуть мне всех пассажиров не распугал.

– От кого несло? – кажется, я потерял нить его повествования.

– От босяка! Ну, бомжа, если по-научному. – Мужичок подозрительно посмотрел на меня, на мгновение перестав ковыряться в спутанной бороде и, видимо, прочитав в моем взгляде полное непонимание, вздохнул, обтер руки о куртку и начал заново: – Шесть дней назад на Серпуховской подсел ко мне в дрезину мужик. В обносках, вонючий такой. Я его

пугнуть хотел, ну а он мне плату показал – рвань рванью, но насчет патронов у него всегда все в порядке. Ну так вот, боясь этот тормознутый был какой-то, словно выпил чего. А мож, и соляры хватанул, говорю же вот – воняло...

– То есть всегда? – из всей тирады именно это «всегда все в порядке» показалось мне особенно чужеродным.

– Да, постоянный клиент он мой. Аккурат два раза в месяц катается. Видок тот еще, но раз погранцы его на Кольцо пускают да платит он исправно, какое мне дело. Токмо в этот раз уж совсем он запаху неприятного был.

– Ясно. И последний вопрос. С каких станций обычно катается этот ваш постоянный клиент?

– Серпуховская, Павелецкая... Нет, вру, чаще все же с Таганской.

– Все. Спасибо за сотрудничество, – поставив точку в блокноте, я отошел от дрезины и махнул постовым: – Парни, мы закончили. Пускайте.

Забавно козырнув, мужичок схватился за рычаги. Двигатель старенькой дрезины закряхтел, пару раз недовольно буркнул и, выпустив в воздух облако темного дыма, ровно заурчал. Пассажиры, закончив препирательства с солдатами, шустро погрузились в ржавую металлическую карету, чтобы вновь двинуться в путь. Чтобы добраться до своих станций и уже там продолжать разлагать метро вонью и ненавистью.

– Егор, – на мое плечо легла тонкая рука.

– Да?

– Ты думаешь, мы наконец нашли ниточку? – Утесов как-то странно, будто с надеждой, заглядывал мне в лицо.

– Я не уверен, но это лучше, чем ничего.

Перед моими глазами облако дыма, оставленное дрезиной, на мгновение сложилось в пушистый полосатый хвост. Когда я моргнул, видение исчезло, растворившись в воздухе завитушками темного тумана и оставив во рту привкус жженой соляры.

* * *

Перегон Таганская – Китай-город всегда был довольно спокойным. По крайней мере ни аномалий, ни радиации в нем не наблюдалось. Другой вопрос, что обычные люди пользуются им не слишком часто. Конечно же, из-за точки прибытия. Бандюки и до Удара были бандюками, разве что теперь опасаются они в разы меньше и имеют официальную стоянку, свою Мекку. Смешно. Зачастую человек в идиотизме достигает апогея. Нет, я отнюдь не сторонник поголовного вырезания неверных, подобным в метро страдает разве что Четвертый рейх, но позволять этим ублюдкам спокойно жить и продолжать грабить, насиливать и убивать – выше моего понимания. Отправься они все в Берилаг – жизнь стала бы чище. Однако нам гораздо проще терпеть унижения и бесчинства, в ответ на возможность пользоваться их услугами: нанимать в охрану караванов или зажравшихся правителей, использовать их руки для убийств неугодных, дабы самим не пачкать свои застиранные, посеревшие воротнички. Покупать информацию... Жестокая правда жизни: те, кто стоит по другую сторону закона, всегда были лучшими информаторами.

– Все-таки не брать с собой хотя бы табельное оружие на встречу с китайцами – не самое умное решение. – Утесов шел чуть впереди меня, безостановочно шаря лучом фонаря по шпалам.

– Ты забыл, что у меня аллергия на этих тварей? Чихнул бы, и мышцы указательного пальца на гашетке непроизвольно бы сократились. Объясняй потом, что у меня просто организм на генном уровне их не воспринимает. – Я раздраженно пнул попавшуюся под ноги консервную банку.

– Егорка, ну как можно быть таким максималистом? Тебе же не пятнадцать лет! Пора бы осознать, что жизнь в нашем свинарнике по определению не может быть раем.

– Если так и продолжать копошиться в этом дерьме, с годами все больше обрастая жиром, ничего и не изменится.

– Ну а мы с тобой на что? – напарник звонко хохотнул.

Впрочем, тут же смешком и подавился, споткнувшись об очередную кучку мусора.

– А, черт. Короче, я о чём. Товарищ Москвин ведь для того и создал следственную бригаду, чтоб мы это самое дерьмо разгребали.

– Нет, Саш. Она создана для того, чтобы мы еще больше зарывали в него нос, забывая поглядывать в сторону выхода из загона. Мы с тобой ничего не меняем. Как и все, просто коротаем время в ожидании мясника.

Сашка замер на ходу и одним плавным движением развернулся, направив свет диодника мне в лицо.

– Слушай, Соловьев. Ты пой, да не завирайся. За подобные слова можно не просто партбилета лишиться, а под трибунал пойти.

– А кто меня сдаст? Ты, что ли? Тогда сам как соучастник пойдешь. Да и не впервые нам будет подводить надежды партии, да? – шагнув к напарнику, я легонько толкнул его под ребра.

Реакция Утесова меня удивила. Он так и остался стоять, освещая фонарем пространство перед собой. А вот на лице нарисовалась крайняя степень изумления.

– Неужели ты вспомнил дело пятилетней давности...

– А кто это у нас тут? – мерзкий, чуть шепелявый голос, как сверло, ввинтился в уши – нечто бритое под ноль, с далеко не полным комплектом зубов, выплюнув мне в лицо поток помойной вони. Второй постовой внешне отличался не сильно, но явно в лучшую сторону. В плечах пошире, рожа почище, и наколок на открытых руках побольше.

Напарник, выйдя вперед меня, спокойным, чуть надменным голосом обратился к противно хмыкающим уголовникам:

– Мне к Белому надо, скажите: Утес за долгами пришел.

– Да с чего это Белому в долги у такой фраяты влезать? – Этого я обозначу себе, как «первого». Пусть Саня только отвернется, скручу ему голову.

– Ну-ка, Скелет, ша! – смерив Саню долгим взглядом, «второй» вздохнул и, отвесив напарнику пудовым кулаком под ребра, продолжил: – Иди лучше базар передай бугру. А с вас, парни, по две маслины в общак и проходите.

Отсчитав положенную сумму, Саня едва не пинками затолкал меня на станцию. Отбросы... кругом одни отбросы. Лежат на полу, по углам, ходят по перрону, переговариваются, курят, пьют... И воняют. Смердят смертью, кровью и разложением. Заживо гниют. Вокруг их тел на некогда белом мраморном полу распускаются цветы миазмов ненависти, похоти. Десятки глаз, провожающие нас с разной дозой отвращения, кажутся мне животными... Нет, успокойся, Егор. Что это с тобой? Дыши... Дыши глубже. Опусти взгляд. Пусть лучше они считают тебя трусом.

– Что-то я тебя последние дни совсем не узнаю. Ты вконец психованный стал! Где тот неунывающий балагур Егорка, которого я всю жизнь знал? Когда ты последний раз спал? По-человечески, а не в кресле за столом? – возмущался Саня. Комок света и теплоты в этом гнилом болоте. Друг, много лет назад названный братом. Нужно держаться за него, как Тесей за нить Ариадны.

– Не... Не помню, – голос скрипит, как несмазанная дверная петля. И очень хочется пить. Что же это со мной?.. – Может, недели две. Нет. Пожалуй, как это дело взяли.

– Понятно. Значит, так, сейчас раскручиваем эту зацепку с бомжом, отводим клиента к дознавателям, и ты отправляешься спать. – Он остановил меня, крепко сжав плечо. – При-

шли. Давай так: говорить буду я, а ты просто слушай. Анализировать у тебя всегда получалось лучше, чем у меня.

Улыбнувшись, Утес первым скрылся за рваной тряпкой, обозначавшей вход в какое-то помещение. Оказывается, пока я пытался привести в порядок взбесившуюся психику, мы благополучно дотопали до перехода на соседнюю станцию. Здесь у стены приютилось трухлявое, кособокое строение из шифера и досок с гордым названием «Централ», нацарапанным над дверью. Рядом крутилась парочка довольно потрепанных худощавых девиц. Увернувшись от протянувшихся ко мне костлявых рук, я юркнул в бар.

Встретила меня новая атака непередаваемой вони, на этот раз замешанной на плохо очищенном самогоне. Одно радует, долго искать напарника не пришлось. В компании Белого он сидел через пару столов у окна, если им можно было назвать дыру в ветхой стене. Буквально вывалив свою тушку на жалобно заскрипевший стул, я принялся исподлобья рассматривать нового знакомого. Сомневаться в том, что человек напротив меня – тот самый Белый, не приходилось. Казалось, он состоял всего из двух цветов – белесого и синего. Бледная, с выпирающими венами, кожа в узорах тюремной символики. Напоминающие грязный весенний снег волосы. Некогда белая рубашка, серебристая цепь на шее. Единственное яркое пятно – глаза, следившие за каждым моим вздохом, будто примеряясь, куда поудачней воткнуть заточку.

– Слушай, Утес, твоему сослуживцу еще не говорили, что за такой взгляд можно и убить? – аккуратно, тремя пальцами он поднял стакан с мутной жидкостью и пригубил.

Я отвернулся, уставившись на суetu мух на перроне.

– Белый, у нас с этим делом уже геморрой в задницах завелся. И если не закроем в скором времени, начальство удалит нам его без анестезии.

– И ты считаешь, это повод наезжать на моих парней?

– Нет, конечно, но… В общем, заканчивай меня лечить, давай по делу. Как я уже говорил, нам удалось узнать, что бомж, подходящий по описанию, местный. Ты знаешь всех крыс в округе – в жизни не поверю, что ничего о нем не слышал.

– Допустим, слышал. Но мог не запомнить. Сам понимаешь, приходится фильтровать получаемую информацию на дорогостоящую и ширпотреб.

Саня ухмыльнулся и залпом осушил свой стакан.

– Вторая наша бригада как раз занимается расследованием одной мелкой, но довольно неприятной кражи. У верхушки партии. Есть зацепки, что в деле замешан некий наниматель. Альбинос… – голос его стал тихим, вкрадчивым, на лице прочно поселилась скучающая улыбка.

– Свидетели? – Белый даже подался вперед всем телом.

– Железобетонных нет. Все слухи, слухи…

– Те, кто распространяет эти слухи, могут забыть об альбиносе?

– Может, и могут, если один многоуважаемый муж вспомнит про некоего человечка без определенного места жительства.

Оскал Белого стал, пожалуй, еще одним ярким пятном в его внешности. Желтые, местами сколотые зубы добавляли ему особый шарм. Он щелчком пальцев подозвал официантку.

– Допустим. Но раз стопроцентных ниточек к нанимателю нет, то он может и не беспокоиться.

– Тогда этому нанимателю стоит вновь напрячь голову и вспомнить довольно громкую шумиху вокруг убийства одного торгаша с Ганзы. Которое благополучно замяли из-за потери у основного свидетеля желания говорить. Ну так что, есть в памяти просветления?

Альбинос откинулся на спинку стула, на мгновение прижал хрупкий указательный палец к виску и нахмурил брови. Впрочем, почти сразу взгляд его вновь просветел, и улыбочка вернулась на тонкие губы.

— Ах, да. Начинаю припоминать. Вроде был один похожий паренек. Если я не ошибаюсь, в сбойке недалеко от Кузнецкого Моста у него нора. Довольно непростой типчик. Тормоз тормозом, а порой такие штуки творит — я бы сказал, гениальные.

Жестом указав бочкообразной девочке, упакованной в мини-юбку из свиной кожи, на пустой бокал, он вопросительно глянул на Саню.

— Еще по одной?

— Нет, нам уже пора. Спасибо за информацию, — перебил я открывшего было рот напарника, поднялся из-за стола и, не дожидаясь ответа, направился в сторону выхода.

Уже отодвинув рукой имитирующую дверь ткань, я краем уха уловил последнюю реплику Белого:

— Предупреди своего старшего, что с таким норовом долго не живут.

* * *

Конкретные пацаны с поста на противоположной стороне станции молча смерили нас злобными взглядами и, смахнув под ноги, отошли в сторону, пропуская в темноту очередного перегона.

— Я даже спрашивать не буду, откуда ты знаком с этим Белым, — глухо проговорил я, по привычке считая шпалы. — Спрошу другое: ты уверен, что ему верить можно?

— Для мужиков его ранга в иерархии блатных долг — святое. Если сказал, что нора этого бомжа недалеко от Кузнецкого Моста, значит, так и есть, — вот интересно, почему это Саня доволен, как нализавшийся сметаны кошак? Едва не припрыгивает от радости.

— Утес, ты под ноги-то смотри, попрыгунчик-стрекозел, твою мать.

— Егор, а чего ты злой-то такой? Мы на финишной прямой к закрытию этого осточертевшего и тебе, и мне дела. Последний рывок, сдадим мужичка дознавателям, и можно будет спокойно выпить, отоспаться, еще раз выпить да по бабам!

— Посмотрим.

Лишь когда станция скрылась за поворотом туннеля, я осознал, что меня все так же не отпускает. Разъедающая, как серная кислота, ненависть осталась где-то под сердцем. Только теперь ей вторило еще и острое желание уничтожить все, до чего могут дотянуться руки. Все это было на меня не похоже. Так явно показывать свои эмоции, осознанно нарываться на неприятности. Было ощущение, что внутри моего тела поселился другой человек.

— Саня, долго еще топать?

— Не. Тут перегон короткий. Вон уже отблески с Кузнецкого видны.

Еще пара шагов. Пара мгновений, растянувшихся в вечность. Ноги будто увязли в тягучем киселе, а сердце, напротив, билось конвульсивно, прерывисто.

— Ну, вот и сбойка.

С трудом подняв пудовые веки, я непонимающе уставился на скособоченную железную дверь. На ней ярким огнем горели завитушки и черточки белоснежного мела, через мгновение сложившиеся в забавные неуклюжие рисунки: схематические рожицы, цветочки размером с дом, состоящие из овалов и треугольников кошки и собаки. Апогеем же этого, без сомнения детского, творчества стала размашистая надпись угловатыми, печатными буквами: «Сдраст-вуйти!»

— Слушай, Утесов. Что-то не очень похоже на логово маньяка.

— Похоже — не похоже, а факты говорят другое!

Саша с силой ударил ногой по двери. Натужно заскрипев, она дрогнула и, сорвавшись с проржавевших петель, ввалилась внутрь помещения, подняв облако густой пыли. Проморгавшись, я направил фонарь вглубь сбойки. Первое, что выхватил световой зайчик, — низенький детский столик, на поцарапанной черной столешнице которого распустились золотые цветы

в объятиях россыпи кроваво-красных ягод. Он был завален листами бумаги и незамысловато разрисованными страницами из книг. От падения двери по полу раскатились цветные восковые мелки, а в дальнем углу комнаты на старом матрасе испуганно сжался в комок человек, стискивая в руках потрепанного плюшевого белого кролика.

– М-мм... Митя бедный, – жалобно пролепетал он, сильнее прижимая игрушку к груди. – У М... Мити н... н... ничего н... нн... нету! Только П... п... пущистик. Нн... но... нн... не з... за... забирайте П... пущистика! М... Митя б... бу... будет плакать.

Мир перед глазами начал кружиться. Я с силой сжал плечо напарника.

– Саня... Это не он.

Мне вдруг невыносимо захотелось спать. Больше не слушаясь сигналов бьющегося в истерике мозга, глаза сомкнулись, и сознание, махнув на прощание полосатым хвостом, скрылось где-то в решетке вентиляции.

* * *

Широ сидела на подоконнике раскрытого настежь окна, высунув одну ножку наружу. Легкий летний ветер играл прямыми черными волосами, то кидая их в объятия алых губ, то заставляя растекаться волной по обнаженной груди. В сладком изнеможении я лежал на спине, свесив голову с кровати, щурясь от настойчивых закатных лучей.

– Долго ты будешь морозить мою любимую сладкую попку? – Я потянулся и перевернулся на живот. – Иди ко мне, Широ.

Она чуть наклонила голову, глянув на меня через плечо, и вновь отвернулась к цветущему лугу за окном.

– Ты здесь слишком долго, Егор, – ее нежный голос вызвал очередную волну мелких мурашек у меня на спине.

– Разве это плохо? – поднявшись с кровати, я подошел к своей девочке и обнял ее. – Ты же всегда просила меня остаться.

– Просила, но... – Она повела плечами, будто пыталась сбросить мои руки. Такое было впервые. – Ты не понимаешь. Это было как ритуал. Как немое соглашение. Я всегда знала, что ты не можешь, нет, не должен оставаться здесь дольше определенного времени. А вчера... ты уснул рядом, но... не ушел. Так не должно быть. Это неправильно.

Я лишь сильнее сжал ее в объятиях. Откуда такой холод в ее голосе?

– Что плохого в желании навсегда остаться в этом прекрасном, светлом мире, остаться рядом с тобой?

Она повернула голову, и алые лучи вечернего солнца заиграла на ее точеном профиле.

– Потому что тебя здесь вообще не должно быть. Это не твой мир. И то, что ты приходишь сюда, лишь моя мимолетная прихоть.

– Хочешь сказать, что играешь со мной?

– А люди вообще крайне редко являются теми, кем кажутся на первый взгляд.

Как по волшебству, она вывернулась из моих рук, спрыгнула с подоконника и, продолжая смотреть на меня какими-то чужими глазами, начала пятиться вглубь дома. Черные волосы за ее спиной продолжали трепетать даже без ветра. Казалось, все тени обычно светлой комнаты слились вместе, обняв неестественно бледные плечи. Сгостились, завертелись лоскутками темного, смоляного тумана.

– Вы так привыкли надевать маски, что порой забываете, кто вы на самом деле. Выкидываете из памяти самое важное, оставляя лишь тленные желания плоти. Сами того не заметив, вы давно стали бездушными куклами, еще более хрупкими, чем фарфор или хрусталь. Вас достаточно лишь легонько толкнуть, на мгновение усомниться в ваших словах, и все суждения, на коих зиждется ваш мир, рухнут, осыпаясь прахом.

Я больше не видел даже намека на ее силуэт. Бурлящая тьма обступила меня со всех сторон, заражая сердце животным страхом. Мне казалось, что в этом темном болоте я слышу сотни голосов, вопящих от боли, ревущих от ужаса и на пике замолкающих. Навсегда.

– Уходи.

Ее всхлип – последнее, что я услышал, прежде чем вязкий водоворот затянул меня на дно.

* * *

То, в чем находилось мое сознание, по смелым прикидкам вполне можно было назвать тьмой. Что забавно, тьмой серой. Пульсирующей тьмой, дышащей и живой. Обволакивающей, обжигающей, затягивающей, душающей. Тьмой, от которой нельзя убежать, потому что не чувствуешь разницы между верхом и низом. Тьмой, от которой нельзя скрыться, ведь она просачивается в тебя сквозь закрытые веки и сжатые зубы. И ты слышишь ее, хотя твое среднее ухо не улавливает и малейшего колебания барабанных перепонок. Она кричит в тебе, рычит и плачет. Ежесекундно расщепляет на атомы, разрывает нейронные связи и собирает их вновь, попутно теряя детальки, как маленький шкодливый ребенок. И с каждым новым циклом разрушения все больше поглощает тебя, растворяя в серебристых барашках тумана.

Знакомый голос едва смог пробиться сквозь вату, наполнившую мои уши. Собрав остатки сил, я потянулся к нему. Недовольно зашипев, тьма постепенно стала отпускать. Последний удар ей нанесла рука, с силой схватившая меня за плечо и буквально вырвавшая из тьмы.

– Егор, да очнись же ты! – Утесов тряс меня уже двумя руками, голос его постепенно начинал срываться. – Да что с тобой такое!

Я открыл глаза и уставился на брезентовый темно-зеленый потолок в сырых разводах. В голове было пусто до звона в ушах. Ни одной завалившейся мыслишки, только какая-то детская, беспринципная радость. Может, оттого, что закончилось наказание тьмой и я больше не был один? Ведь если подумать, то это мой первый опыт полного, бескрайнего одиночества. Всю жизнь, еще с яслей, рядом со мной находился Сашка. И двадцать лет назад в новый мир мы тоже вступили вдвоем... Вдвоем? Странно, почему это короткое слово смущает мой очнувшийся разум, а сердце бередит тоненькая иголка обиды.

Вялые размышления грубо прервал прилетевший мне в челюсть кулак.

– Твою ж мать, Егор! Заканчивай! У нас совсем нет времени, поднимайся! – Саша рванул меня за плечи, заставляя сесть на шаткой армейской раскладушке.

Ветхая ткань закряхтела и разорвалась с громким хлопком, выбросив меня на ледяной пол. Черт, давно хотел поменять эту пародию на кровать, да все руки не доходили. Теперь вот есть веский повод.

– Чего ты разорался, Утес, подождут выпивка и бабы, – похихикивая, проговорил я, пытаясь выбраться из ловушки скрутившейся простыни. – Сам же говорил, что у меня будет время выспаться. Если злишься за то, что тащить меня до дома пришлось, так извиняй. Не рассчитал силы. Сморило.

Бешеный вихрь, носившийся по двум квадратным метрам жилплощади, вдруг остановился и уставился на меня обалделыми глазами.

– Ты вообще в своем уме?

– Более чем, – поднявшись наконец с пола, я перешагнул каркас раскладушки, потянулся. – Господи, какой же кайф – выспаться. Я как будто еще раз родился.

– Выспаться? – напарник вдруг истерически засмеялся. – Хочешь сказать, что ты все это время спал?

– Ну да, а что не так-то? Ты же сам меня отправлял...

– Двое суток?

– В смысле? – Что-то явно было не так, или я чего-то не понимал. Либо Саня меня разыгравает, либо...

– В смысле, где ты был двое суток, Егор?! – он перешел на крик. Но тут же осекся и, быстро выглянув из палатки, поплотнее задернул брезент.

– Саня, я не понимаю, о чем ты. Я спал. Тут, у себя дома.

Утесов опустил голову и снова засмеялся. На этот раз тихо и как-то обреченно.

– Спал у себя дома? – болванчиком он повторил за мной.

Потом подошел ко мне и схватил за плечи, заглядывая в глаза.

– Егорка... Где мы, по-твоему, сейчас?

– Ты сам-то с мозгами дружишь? – прошипел я, скидывая его руки. – Я уже говорил. У меня дома, на станции Красные Ворота, в моей палатке с этой долбаной раскладушкой, поменять которую у меня руки никак не доходили!

– Выгляни из палатки, – прошептал Саша, отводя глаза.

Бормоча себе под нос всевозможные нелестные пожелания шутнику-напарнику, я обошел его и отодвинул край брезентовой ширмы. Мне в лицо ударил свет ламп. Слишком яркий для нашей коммунистической красной ветки. Такое освещение могла позволить себе только...

– Мы на Ганзе, Егор. На Серпуховской радиальной.

В это же мгновение рядом со мной, будто из воздуха, материализовались двое крупных парней в форме. Распахнув дверь палатки, они схватили меня за руки.

– Старший сержант Егор Соловьев?

– Да, – пробормотал я, вглядываясь в фигуру напарника, прикрытое темнотой палатки. Саша все так же стоял, опустив голову. Его осунувшиеся плечи мелко подрагивали.

– Вы арестованы по подозрению в убийстве.

* * *

Раз-два-три-четыре, поворот, раз-два, поворот, раз-два-три-четыре, поворот, раз-два. Крохотный пенал размером три на полтора метра. Три бетонные стены и решетка, в дальнем углу в полу нужник. Ничего лишнего – обезьянник и не должен отличаться удобством.

От уважаемого следователя до главного подозреваемого в серийных убийствах за два дня. Как так могло получиться? Где я оступился? А главное, что со мной происходит? Простые вопросы без ответов. Они будоражат мозг, заставляя тело метаться в клетке по кругу. Четыре шага, поворот.

«– Егор, я тебе верю! – шептал Санька, с опаской оглядываясь на дежурного. – Быть не может, чтобы это был ты! Но... Улики и... Чтобы подготовить доказательную базу, мне необходимо знать, где ты все это время был и что делал. Мне-то ты можешь рассказать!»

– Я спал, Саш, просто спал, – мне уже надоело в десятый раз отвечать на один и тот же вопрос. – Последнее, что помню: мы добрались до берлоги того мужичка, ты выломал дверь. И все, провал.

Он смотрит на меня, а в глазах я читаю недоверие и какую-то детскую обиду. Я его даже понимаю – у нас никогда не было тайн друг от друга, а теперь ему кажется, будто я что-то недоговариваю или вообще обманываю.

– Ты понимаешь, три человека – твои соседи и продавщица из палатки с книгами – утверждают, что видели тебя. Спустя четыре часа, как я тебя притащил домой, ты покинул палатку. Нам удалось проследить твой путь до перегона от Кузнецкого Моста к Китай-городу. А дальше ты будто сквозь землю провалился! Спустя почти сутки ты, как по волшебству, материализо-

вался на Серпуховской. Снял номер на постоялом дворе и больше из него не выходил. В нем я тебя и нашел.

– Может, они видели не меня?

– Ага, и не тебя взяли на Серпуховской, и я сейчас не с тобой разговариваю! – Он злится. Злится и нервничает. Пол перед моей камерой уже сплошь усыпан окурками.

– Не знаю. Ну, может, я и страдаю лунатизмом, хотя раньше такого не было. Но странным мне кажется не это... Вопрос в том, почему вдруг обвинили меня?

Он опустил голову и оттолкнулся от решетки камеры.

– Пропала еще одна девушка. Как раз в эти два дня.

– И что с того?

– По показаниям свидетелей последним, кто с ней разговаривал... был ты, Егор.

Саша ненадолго замолчал, кусая губы. Будто решая, говорить мне или нет. Тогда я понял, что не хочу слышать то, что он может мне сказать. Понял, что не хочу слышать свой приговор.

– И знаешь... – он все-таки решился. – Это... Это не первый раз, когда, как ты говоришь, ходил во сне.

Наверно, я должен был испугаться? Занервничать, начать кричать. Но вот что странно, в тот момент я ничего не почувствовал. Совсем ничего. Будто заранее знал, что скажет Утесов. Имя пропавшей девушки также не вызвало у меня никаких эмоций. Анна Доброва. Официантка Анечка из закусочной на Красных Воротах. Нас сложно было назвать друзьями, скорее просто знакомые. Хотя я и был завсегдатаем ее забегаловки, мы ни разу даже толком не поговорили. Просто «здравствуйте – до свидания» и пара-тройка дежурных фраз о самочувствии и настроении.

Все, что мне о ней известно, – самая обычная девушка из самой типичной рабоче-крестьянской семьи. Важно другое – она большевичка. И вторая жертва с нашей ветки. А для внешнего мира данное происшествие означает, что в нашем коммунистическом обществе, в нашем идеальном мире не все так спокойно. Это может и, скорее всего, подорвет авторитет красной ветки на политической арене. И в частности, позицию Москвина, чьего партия не может допустить ни под каким предлогом. В данной ситуации только один выход – как можно скорее закрыть дело, тем самым прекратив распространение неприветливой информации. Им нужен виновный. И, как ни тяжело это признавать, я сейчас на эту роль, как никто другой.

Остановившись, я оперся спиной о влажную бетонную стену и с тихим стоном сполз по ней на пол. Я подхожу. Значит ли это, что я признаю себя виновным? Если факты, озвученные Утесом, – правда, то я вполне могу оказаться убийцей. Но ведь... Я не помню. Я не помню! Если подумать, то на время исчезновения всех без исключения девушек у меня нет алиби! Точнее, есть, но... Именно перед сообщением о первой жертве я начал видеть сны с участием Широ. Что, если эти сны и есть способ моего мозга скрыть выброс негатива из бессознательного? Что, если сейчас мое поведение – стандартная тактика серийного убийцы, разум которого прячется за маской нормальности?

Я сжал руками голову, будто надеясь, что применение физической силы поможет сложить осколки мыслей. Вместо этого я начал отчетливо ощущать, что мой мир и все, во что я верил, начинает разрушаться. Еще немного, и обломки заживо погребут меня.

«Достаточно лишь легонько вас толкнуть, и вы разлетитесь осколками, как фарфоровые куклы...»

Ты была права, Широ. Только вот если ты – лишь плод моего обезумевшего разума, почему при этих словах я видел в твоих глазах боль и сожаление? И ни намека на удовлетворение от очередного похищения. Ведь если ты – моя защита от реальности, ты бы не плакала, верно?

«Люди крайне редко являются теми, кем кажутся на первый взгляд...»

Этим ты пыталась сказать, что я обманывал сам себя? Или же... Или же...

Я резко поднял голову, слегка стукнувшись о стену. Сложил вместе ладони и прижал их к губам, будто в молитве. Прислушался к тихому шипению собственного дрожащего дыхания. Я задаю столько вопросов, что сам начинаю путаться, что помню на самом деле, а что – игра моего взбудораженного воображения. А ведь сейчас самый главный вопрос – в чем я могу быть уверен стопроцентно? Если подумать, ответ прост: я уверен, что никогда не испытывал даже тени удовлетворения от вида растерзанных жертв Чешира. И в том, что типаж его девушек меня не привлекает. Я ведь даже сказку эту, про Алису, помню крайне смутно. Думай.

Любые неточные, косвенные улики могут быть рассмотрены с разных точек зрения. И если принять за константу неверные единицы, то вывод может стать фатально ошибочным. Свидетели говорят, что видели, как я уходил в туннель после разговора с Аней. Но о том, что она пошла со мной, речи не шло. Значит, имелся промежуток времени между моим уходом и ее исчезновением. Повторно меня на станции не видели. Либо я не возвращался, что противоречит моей причастности к личности Чешира, либо на обратном пути я использовал вентиляционные шахты и технические тунNELи. И тут-то первая нестыковка. Мало того, что я никогда не интересовался подобными тонкостями строения метро, я в принципе страдаю топографическим кретинизмом! Будучи одним из немногих жителей подземки, что до сих пор носят с собой в кармане карту веток, по неизвестному маршруту я всегда путешествую в сопровождении Утесова. Так может ли мое второе я, мой внутренний Чешир, быть настолько осведомленнее меня? Даже при раздвоении личности подселенец и хозяин пользуются одним разумом, одним мозгом. Второй может быть глупее, но неожиданно стать гением? Вряд ли.

Есть одно но. Все эти выводы – голословны. Ни один судья не станет их слушать. В отличие от показаний свидетелей. Однако...

Сформировавшаяся наконец мысль настолько поразила меня своей простотой, что я вновь поднялся и принял бодро мерить шагами камеру. Судья больше поверит словам свидетелей, чем моим. Но ведь есть один человек, который меня не подозревал! Водитель дрезины, Панкратыч! Если расспросить его подробнее, вполне вероятно, что он...

– Пошел вон! – голос дежурного так и сочился омерзением и недовольством. Интересно, что заставило этого молчуна выть едва не белугой?

В ответ раздалось слабое бормотание, следом хлопок удара на пару с коротким всхлипом. Что-то зазвенело по полу, будто рассыпали мелкие монетки. Тут мое любопытство взяло верх, и я прижался щекой к ледяным прутьям решетки, пытаясь разглядеть, что творится в коридоре. Света сорокаваттной лампы едва хватило, чтобы рассмотреть ползающую в ногах у дежурного фигуру в балахоне – солдатик замахнулся и пнул ее куда-то в район живота. Вновь раздался обиженный скрежет. Слюннув, дежурный развернулся и, тихо матерясь, поспешил на станцию.

Как только стук армейских сапог стих, фигура довольно резво поднялась с пола и поплыла ко мне. Надетый на ней балахон, со стороны напоминающий плащ-палатку, шелестел по полу с каким-то странным железным звуком. Когда же фигура прошла под лампой, я узнал в ней того самого мужичка, в нору к которому мы с Утесом наведывались два дня назад.

– П...п...привет! – радостно пробормотал он, улыбаясь мне окровавленными губами.

– Привет, – обалдело ответил я.

Уж кого-кого, а его я здесь встретить точно не ожидал. С нарастающим удивлением я наблюдал, как мужичок деловито осматривал петли, на которых держалась дверь решетки. Кивнув своим мыслям, он вытер рукавом сочащуюся из разбитой губы кровь и, откинув полу балахона, начал деловито отвязывать от ноги ломик. Самый банальный стальной лом. При этом ослепительно улыбаясь.

Пока я мысленно пытался собрать челюсть, отвалившуюся куда-то в район мифического Метро-2, это чудо начало примеряться инструментом под дверь камеры.

– От... тойди.

– Что ты собрался делать? – ошарашенно пробормотал я, отходя, тем не менее, от решетки на пару шагов.

– М... митя вып... пустит тебя.

Все так же продолжая улыбаться, мужичок картинно поплевал на ладони и, тихо ухнув, налег на лом. Спустя мгновение дверь с металлическим стоном вышла из заскрипевших петель и повисла на замке. Развернув ее, Митя накинул на меня похожий на свой поношенный, пропахший застарелым потом балахон и схватил за руку.

– П... пойдем. Б... быстрее. Б... было г... громко!

Крайняя степень удивления не позволила мне сопротивляться, и я послушно потопал за тянувшим меня прочь из камеры мужичком. У выхода на станцию Митя натянул мне на голову капюшон и шепнул:

– П... пригнись.

Мы медленно, чуть скрючившись, шли по перрону, и никто не пытался остановить. Поток людей, спешащих по своим делам, обтекал нас, как река порог. Все, кто мимолетом задевал взглядом, тут же брезгливо отворачивались. Вот мимо меня пробежал дежурный. Я ждал, когда кто-нибудь закричит, когда меня поймают и вновь вернут в камеру. Честно признаться, я даже надеялся на это. Но мгновения шли, выход со станции был уже совсем близко, а никто нас так и не окликнул. Где-то в глубине души я даже почувствовал непонятную обиду на всех этих людей. Вот он, тот самый принцип невмешательства в действия. Конечно, сейчас он играл мне на руку, но... Но!

И лишь когда отблески станции скрылись за туннельным поворотом, я позволил себе скинуть вонючий капюшон и остановиться.

– Как ты смог меня освободить?

Митя опять схватил меня за руку и потянул вперед.

– П... пойдем. Надо сп... пешить!

Я вырвал руку и, схватив его за плечи, тряхнул.

– Как?

Всхлипнув, он с ужасом посмотрел на меня и тут же отвел взгляд, уставившись в стену. Господи, да что я творю... Он же как ребенок! Отпустив его, я глубоко вздохнул и постарался говорить как можно мягче:

– Послушай, я не хотел тебя напугать. Просто я не понимаю, как ты смог открыть эту чертову решетку.

Сжав дрожащие руки в замок, он втянул голову в плечи и исподлобья посмотрел на меня. Жалобно улыбнувшись, вновь опустил взгляд.

– В... все д... думают, М... митя г... глупый. А М... митя не г... глупый, он д... долго д... думает.

Шмыгнув носом, он вытер рукавом капельку крови с губ и немного удивленно уставился на свои вымазанные в ржавчине ладони.

– А М... митя з... знал. П... петли с... слабые. Ш... штыри к... коротк... кие. Ч... чуть п... п... приподнять, и д... дверь св... свалится.

– Как ты догадался?

– М... митя у... умный!

Схватив за руку, он вновь потащил меня вперед по туннелю. То, что Митя оказался на той же станции, неудивительно, здесь у нас и следственный изолятор, и комната для допросов. Вопрос, подсознательно мучивший меня, теперь нашел ответ. Почему партия обвинила меня, хотя им всего-то нужен был козел отпущения, и бомж подходил бы по всем параметрам больше, чем следователь. Видимо, они допросили Митя и пришли к выводу, что он не мог быть убийцей. Хотя для этого и не нужно было тащить его на станцию, достаточно увидеть его жилище.

По привычке считая шпалы, я тихо пробормотал:

– Кто же надоумил тебя освободить незнакомца?

Спросил я скорее себя, просто озвучил мысль. Но, как оказалось, со слухом, в отличие от головы, у него все в полном порядке.

– Она.

– Она?

– Да, – свободной рукой он оттянул себе вбок правый глаз, сделав его похожим на щелочку. – Она.

* * *

Вопреки всем ожиданиям и опасениям, путь наш пролегал не через станции. В том же перегоне мы свернули в неизвестную мне ранее сбойку, где за ржавым металлическим шкафом незаметно притаился узенький проход куда-то за основную стену туннеля. Все так же держа за руку, будто опасаясь, что в противном случае я испарюсь в воздухе, Митя тащил меня темными проходами, больше напоминающими крысиные лазы. Не раз и не два нам приходилось втягивать животы чуть ли не к позвоночнику или же ползти на корточках, прижимая головы к самым коленям. Впервые в жизни отдавшись на волю случая, я неожиданно почувствовал какую-то странную опустошенность и безразличие. Будто меня досуха выпили, оставив лишь хрупкую кожаную оболочку на каркасе из трухлявых костей. Мне казалось, что в темноте этих переходов и шахт весь мой запал, все иррациональные надежды оправдаться растворились, и уже второй раз за последние несколько дней я начал подозревать, что схожу с ума. Только на этот раз мое безумие не было полно бодрящей ярости, оно отдавало вяжущим привкусом непонимания и смертельной обиды.

Пожалуй, я бы даже смирился с ним, если бы Широ была моим личным призраком. Моей выдумкой, моей сладкой фантазией, которой разум прикрывался от колючей реальности. Однако когда я услышал о ее причастности к моему волшебному освобождению, я почувствовал себя маленьким эгоистичным ребенком, которого заставили поделиться любимой игрушкой, не спросив его. Мне захотелось вцепиться в глотку странному человечку Мите за то, что он посмел осквернить ее чистоту своими мерзкими, смердящими ладонями. Захотелось ввергнуть его в тягучую темноту этих влажных бетонных кишок, дабы он больше никогда не смог дотянуться до теплого света Широ. Мой Широ! Уничтожить его, а потом упасть рядом, забиться в дальний угол и рыдать об утраченной мечте.

Но я был слаб. Всегда был слаб. Всегда был всего лишь очередной безвольной свиньей с призрачными мыслями о свободе. И потому просто испугался столь явных желаний. Затолкал просящиеся на язык слова глубже в собственную глотку, сосредоточенно дыша носом, дабы они не вырвались наружу с потоком желудочного сока. Стараясь отвлечься, считал повороты и переходы, но, сбившись на третьем десятке, просто закрыл глаза, позволяя вести себя куда угодно. Хотя бы и на заклание.

– П… п… пооочти п… пришли! – бодрый голос наконец вырвал мое сознание из добровольного процесса самоуничтожения.

После очередного поворота в ноздри впился сладковатый запах гниения. Слух же начал улавливать недовольное жужжение растревоженного улья. Впереди ощущалось скопление неизвестных зловонных существ – мерзких, общающихся на карикатурном подобии языка. Он резал уши гортанностью и сочащейся злобой. Идти к ним, покидая ласковые объятия тьмы, было последним, что мне когда-либо могло захотеться. Но тщедушный на первый взгляд Митя, будто собака, почувствавшая долгожданную награду, тянул меня вперед с удвоенной силой, не переставая бормотать себе под нос что-то неразборчивое. Всего пару десятков шагов, застопнявшая ржавая решетка, и мы оказались… на путях у перрона ярко освещенной станции. Подняв голову, в неизвестных существах я узнал обычных жителей подземки.

– П... подн... нимайся! – воскликнул Митя.

Пока я безучастно созерцал открывшуюся мне картину, лениво пытаясь осознать происходящее вокруг, он уже успел забраться на перрон и тянул мне сверху руку. Поднявшись на станцию, я осмотрелся.

«Серпуховская» – сообщала надпись на противоположной стене. В глубине моего сознания вновь шевельнулась слабая надежда на пару с легким приступом дежавю. Но и этого вполне хватило, чтобы окончательно прервать самобичевание, заставляя мозг привычно работать на полных оборотах. В голове тут же закрутился вихрь мыслей, возвращая потухший разум к жизни.

– В... вон п... палатка. Там д... друг! – опережая вопрос, ответил Митя, двигаясь по платформе настолько быстро, что я едва поспевал за ним. – Он умн... ный п... почти к... как М... митя! Он п... поможет!

Пожалуй, назвать это жилище палаткой у меня не повернулся бы язык. Скорее вполне добротным деревянным домиком, приютившимся между широкими колоннами в конце перрона. Он напоминал квартиры браминов в Полисе. Причем не только внешним, но и внутренним убранством. Вдоль противоположной от армейской кровати стены стоял самодельный стеллаж, доверху набитый книгами. Пробежавшись взглядом по корешкам, я с удивлением понял, что слышал в лучшем случае о десятой части из них, вживую видел и того меньше. Все книги из тех, которые я узнал, принадлежали к трактатам по психологии человека.

– А я уже начал подумывать, что вы ко мне и вовсе не доберетесь, молодой человек, – знакомый голос с совершенно нетипичными для моего представления о нем нотками благородства и степенности заставил меня резко развернуться на пятках.

На пороге, вежливо улыбаясь, стоял не кто иной, как хозяин этого жилища. Михаил Панкратович.

* * *

– То есть вы хотите сказать, юноша, что решили посетить меня исключительно ради того, чтобы попросить свидетельствовать на суде в вашу пользу? – Михаил сделал крохотный интеллигентный глоток травяного чая из дорогущей фарфоровой кружки.

Это была его первая после приветствия фраза за последние часа два, на протяжении которых я вывалил все, что произошло со мной с момента нашей встречи. До сего момента он участливо молчал, лишь изредка кивая и хмуря брови. Может, именно из-за доверительного, теплого взгляда я и решил выговориться. Только сейчас, увидев его гладко выбритое лицо и степенное поведение, я понял, почему дрезинщик показался мне смутно знакомым. А речь, хотя и вполне антуражной для деревенского жителя или типичного слесаря, слышалась несколько шуточной и наигранной. Об этом человеке не раз упоминал мой учитель, Игорь Игнатьевич, показывая общие фотографии. До Удара Михаил Панкратович долгое время успешно преподавал психологию, в частности ее криминальное направление, в одном из московских вузов. Наставник рассказывал, что, будучи человеком думающим и отлично разбирающимся в людях, после Конца его друг быстро смекнул, что психологу, сколь угодно профессиональному, в новом мире вряд ли найдется место. Придерживаясь мнения, что самым живучим классом является рабочий, в свое время он не преминул получить второе высшее образование, на этот раз техническое, которым и воспользовался в метро. Однако я предполагал, что он обосновался где-то на станциях-мастерских, и никак не ожидал встретить на Ганзе, да еще и в амплуа недалекого машиниста дрезины.

Осознав свою ошибку, я тут же, как желторотый школьник, поддался на его психологические трюки и выдал все, что знал о деле, о чем думал или лишь подозревал. Наверно, я под-

сознательно надеялся, что он сможет помочь мне выбраться из логического тупика, тем более являясь, по сути, моей последней надеждой.

– Если грубо, то да. Именно этого я и хочу.

Он ненадолго замолчал, с умилением наблюдая, как Митя возится на кровати с детской книжкой с картинками.

– Егор, а вы знали, что наш мозг – удивительный, правда, так и оставшийся почти не изученным, аппарат? – проговорил он, переводя на меня взгляд. – Дело в том, что даже без влияния нашего разума он продолжает вычислять и действовать крайне логично. Подчиняясь процессам взаимодействия нейронных связей, не слишком нам понятных, он работает, даже когда мы находимся в состоянии мнимого покоя. Отсюда и выходит явление так называемой интуиции, когда наш компьютер вычисляет ветви вероятных событий, различную с мнением разума. Интуиция – по сути, не что иное, как конфликт логичности и эмоциональности.

– Я не совсем понимаю, к чему вы ведете...

– Я веду к тому, что если вы пришли ко мне за непосредственным спасением, подозревая меня в умалчивании какой-то важной информации, способной повернуть дело к вам лицом, то вы – непроходимый дурак, – усмехнувшись, он вновь отхлебнул чай и выразительно глянул на мою чашку, к которой я даже не притронулся. – Однако это вы и так уже давно интуитивно поняли. Значит, истинную причину визита вы не озвучиваете. Продолжать игру в гляделки и самостоятельно догадываться о вашей мотивации у меня нет никаких причин. Из сложившейся ситуации есть два выхода: первый – вы допиваете чай, мы прощаемся, и вы уходите, позволяя мне заниматься своими, более понятными и нужными делами; и второй – вы собираетесь с мыслями и озвучиваете интересующие вас вопросы. Обещаю, что постараюсь помочь по мере сил.

Михаил выжидательно уставился на меня, и под этим буравящим взглядом я будто терял волю.

– Скажите, зачем вы направили меня по ложному следу? – выпалил я раньше, чем осознал, действительно ли это тот самый вопрос, ответ на который я так жажду услышать.

– По ложному? Дайте подумать... – Он аккуратно поставил кружку на стол, подался вперед. Оперевшись локтями на колени, он соединил вместе указательные и большие пальцы рук, прислонив верхушку получившегося ромба к носу. – Смотрите, я не соврал вам, Митенька действительно часто пользуется дрезиной. Я лишь умолчал о части фактов.

– Почему?

– Все предельно просто. Потому что та информация могла, и попала бы, не в те уши.

– Под не теми ушами вы подразумеваете меня?

– Отнюдь. Вы – как раз правильные уши. Хотя на тот момент я подозревал, что эта информация вам известна и вы лишь отыгрываете роль, как и я. Однако ваш рассказ убедил меня в обратном.

– И что же это за информация? – Я медленно начал закипать. Внутри меня, с момента прихода на станцию, как будто тикал таймер с обратным отсчетом. Что должно произойти, когда он дойдет до нуля, я не представлял. Но этот неторопливый разговор раздражал.

– Моим постоянным клиентом в те же дни были вы, молодой человек.

Михаил Панкратович был прав. Интуитивно я знал, что он скрывает, и потому совсем не удивился. Но и легче мне от этого не стало. С тяжелым вздохом я откинулся на спинку стула.

– Вас расстроил мой ответ, товарищ следователь?

– Еще бы, – буркнул я, не открывая глаз. Как-то разом на меня накатила усталость. – Хотя он – всего лишь финальный гвоздь в крышку моего гроба.

– Если сейчас вы мне скажете, что из-за подобной мелочи вы сдаетесь, то я вновь назову вас непроходимым дураком. – Он мягко улыбнулся и откинулся на кресле, расслабленно положив руки на подлокотники. – Хотите, я объясню почему?

- Валяйте. Добивайте контрольным в голову.
- Дело в том, что вы, Егор, никогда не двигались по ложному следу. Ваш путь был верен, но шли вы слишком долго. Отсюда и роковые последствия.
- Я опять вас не слишком понимаю.
- Я сейчас все объясню. В столь черепашьей скорости передвижения виноваты вы сами, ведь изначально были все шансы решить загадку Чеширского кота.
- Вы намекаете, что убийца все-таки я, и ловить было некого?
- Я не намекаю, я говорю прямым текстом, что вы не умеете пользоваться случаем. Так и не дождавшись от меня вопроса, выдержав театральную паузу, он продолжил.
- По вашем же словам, с самого начала у вас были сны. Во многих поверьях народов мира сон – одна из граней, порогов в другие миры. И я придерживаюсь подобного мнения, хотя мои положения более научны. Засыпая, мы действительно переносимся в иной мир. Мир нашего подсознания, вечно неспящего мозга. Научно доказанный факт, что в фазе быстрого сна мозг проецирует физическое состояние в виде художественных образов. Сны могут дать самую разную информацию: начиная от банального самочувствия – действительного самочувствия, без налета кокетства «мне не время болеть», и заканчивая ответами на мучившие которую неделю вопросы. К сожалению, эта информация слишком мимолетна и утекает из памяти, стоит открыть глаза. Хотя истории известны случаи более удачных сновидений. Яркий пример – Дмитрий Иванович Менделеев, открывший свою периодическую таблицу как раз во сне. Так к чему я все это веду. У вас, молодой человек, с самого начала был самый важный помощник – ваш мозг. Эта Широ, кем бы она ни была, являлась, по сути, итогом работы оного. Но по каким-то лишь вам известным причинам вы продолжали отрицать ее помощь.
- Может, потому, что я просто не понимаю ее размытых намеков?
- Это вы глупости говорите, молодой человек. Мозг ведь ваш. А значит, все, что вам нужно, это всего лишь хорошенко подумать. О чем Широ говорила чаще всего?
- Я задумался, восстанавливая в голове все воспоминания о наших с ней встречах.
- Пожалуй... Чаще всего она интересовалась, почему мы назвали убийцу Чеширским котом. Это ее забавляло и, одновременно, настораживало.
- И почему же? – Михаил Панкратович хитро улыбнулся, от чего у меня появилось подозрение, что он сам уже давно все понял. Однако его желание были очевидно – я должен додуматься до всего самостоятельно. Лишь так я смогу поверить даже в самое невероятное.
- Все просто. Из-за визитки убийцы – карты червонной дамы с нарисованной улыбкой Чешира.
- Хорошо. Теперь я напомню вам один интересный факт о психологии серийных. Не думаю, что уважаемый Игорь Игнатьевич не говорил о нем, – возможно, вы просто запамятовали. Так вот, разум серийных убийц из тех, кого не могут долгое время вычислить, постепенно разрушается. Зачастую они начинают верить в свою безнаказанность, уподобляя себя богу. И от лицемерия или же извращенного интереса специально оставляют подсказки, тем самым отмечая, что без озарения свыше простые смертные не способны найти их. Вот теперь подумайте еще раз, молодой человек.
- Подсказки. Если бы он их оставлял, то не прятал. Что-то, что постоянно на виду. Что-то необычное, указывающее только на него. Понятное и одновременно завуалированное. А если карта? Червонная дама и улыбка. На что похоже, с чем можно связать?
- Как собака, почувствавшая остывший было след, я подался вперед и уставился на профессора невидящим взглядом. Дама... Дама червей... Красная дама. Красная. Стоп. Первая жертва была с красной ветки, последняя тоже. Круг будто бы замкнулся. Но для того, чтобы вернуться в начальную точку, необходимо пройти какой-то путь. Улыбка... Что, если?
- Михаил Панкратович, у вас, слушаем, нет карты метро? А то у меня все личные вещи изъяли.

– Конечно-конечно, – лучезарно улыбаясь, он тут же протянул мне старенький карманнй календарь, будто все это время только и ждал эту просьбу. Может, так оно и было.

Так, на каких станциях сообщали о пропаже девушек? Театральная, Библиотека имени Ленина, Рижская, Киевская. Я поводил пальцем по карте, но картинка никак не желала выстраиваться.

– Может, с этим будет легче? – заговорщики спросил профессор, протягивая мне огрызок простого карандаша.

Схватившись за него, как утопающий за спасательный круг, я быстро отметил родные станции опознанных жертв. Соединил линией. Получилась трапеция. Наверно, я что-то не так делаю. Если подумать, отмечая станции прописки девушек, я автоматом выкидываю неопознанных бедняжек. Но на них также были карты. Тогда, может, имеют смысл не места жизни, а точки, где они нашли последний приют? Таааак… Первая была обнаружена в перегоне от Театральной до Новокузнецкой. Вторая – от Библиотеки до Полянки. Третья – от Кузнецкого Моста до Китай-города. Четвертая от Площади Революции до Курской. Пятая – от Третьяковской до Китай-города. Шестая – от Тургеневской до Китай-города. Помнится, это был самый сложный случай из всех. Тело нашли абсолютно случайно, да и сообщили не сразу. В итоге из-за аномалии в туннеле и общего состояния трупа работа на месте преступления напоминала цирк уродцев. То одного, то другого члена бригады начинало бить в конвульсиях или накрывал порыв беспричинного смеха. Стоп, не отвлекайся. Седьмую девушку обнаружили в перегоне от Киевской до Парка Культуры. И последняя, вновь большевичка, пропала с Красных Ворот. До этого Чешир выкидывал тела не слишком далеко от станций. Значит, по аналогии с другими жертвами, если мы опять не успеем, то труп, скорее всего, обнаружится в одном из перегонов. Непосредственно на красной ветке. Скандала такой силы, что может разразиться, не было уже давно. Итак…

Соединив точки, я получил вполне узнаваемую широкую улыбку, в которой не хватало одного зуба. Стечение обстоятельств ли, дрогнувшая ли моя рука, но провал оказался точнехонько на станции Полянка.

– Нашли что-нибудь занимательное? – участливо спросил Михаил, даже не пытаясь заглянуть в расчерченную карту.

– Да… – пробормотал я, стараясь справиться с волнением. – Но, честно говоря, находка меня не радует.

– Боитесь неизвестности? – хмыкнул он и одним большим глотком допил чай. – Подумайте хорошенъко, молодой человек. Вы все еще можете отступить. Сбежать на отдаленную станцию, зажить новой тихой и неприметной жизнью.

– Нет, – неожиданно твердо ответил я. – Моя интуиция говорит, что я обязан довести это дело до конца.

И в этот момент я понял, что решился. Рывком поднявшись, я коротко кивнул улыбающемуся профессору и шагнул к выходу. Но у двери все же остановился, чтобы задать последний интересующий меня вопрос.

– Михаил Панкратович, напоследок вы можете сказать мне, кто на самом деле Митя?

– На данный момент просто дурачок, – он загремел чашками. – Дурачок, когда-то давно бывший гениальным молодым инженером-конструктором. Во время бомбежки ему не повезло получить сильнейшую травму мозга, образовавшаяся гематома едва не убила его. И все же он остался жив, хотя и растерял большую часть своей гениальности. Временами случаются просветления, но чаще… Он, по его словам, видит призраков. Ирония судьбы… Это все, что вы хотели узнать, молодой человек?

– Да. И спасибо.

Не дождавшись ответа, я вышел из дома, держа путь к выходу со станции. В голове моей, постепенно угасая, билась интересная мысль. Профессор – человек, несомненно, умный, начи-

танный. С огромным багажом опыта и знаний. Но что-то подсказывало мне, что в одном он все же ошибся. Возможно ли, что два никак не связанных между собой человека видят одинаковую иллюзию, причем один из них во сне, а второй наяву? Ответ тут однозначный – нет.

* * *

Часто ли мы задаемся вопросом, что такое тьма? Это явление полного отсутствия света или же процесс поглощения фотонов? Спорить можно бесконечно, выдвигая нерушимые аргументы и доводы, однако к тридцатому году своей жизни я пришел к забавному выводу. Тьма – она для всех своя, и в ее определении не столь важны научные знания или жизненный опыт. Лишь наш разум, наша личность являются мерилом. Что до меня, до Удара моей личной тьмой был страх одиночества. Страх быть забытым, непонятым, отвергнутым. Все еще будучи огражденным родителями от мерзости окружающего мира, я просто не мог бояться чего-либо другого, кроме как потерять свое уютное, теплое и сытое местечко. Пожалуй, в этом я был не столь одинок. Забавный каламбур.

А потом нам всем, молодым и великовозрастным, пришлось быстро взросльть. Вдруг я с удивлением обнаружил, что одиночество вполне может оказаться единственным спасением. День за днем все эти двадцать лет я наблюдал, как гордое понятие «человек» постепенно превращается в обычное, не слишком точное определение с размытыми рамками, все чаще убеждаясь, что не хочу быть частью всего этого. Однако, чтобы изменить хоть что-то в устоявшемся режиме, необходимо обладать невероятной силой, которой у меня никогда не было. И будучи слабым, я смирился с собственным ничтожеством и продолжал жить, лишь изредка для вида отыгрываясь. Продолжал отыгрывать выбранную для себя роль. До сегодняшнего дня.

Перегон до Полянки, самой таинственной станции московского метро, стал для меня длинным путем на эшафот. Считая шпалы, я не мог знать, был не в силах даже предположить, что ждет меня впереди. Однако, впервые сделав выбор и поспорив с собственным бессилием, я был горд. И мне не было важно, найду я там спасение или же собственоручно выкопаю себе могилу. Главное, что впереди меня ожидали ответы.

Я не знал, сколько уже прошло времени – минута или десяток лет. С собой не было даже спички, чтобы осветить путь, – я просто шел вперед, пока мышцы не стали умолять о пощаде. И даже когда ноги свело судорогой, я продолжал ползти на коленях. Когда не осталось сил и на эту малость, я упал возле ледяных рельсов и протянул вперед руку. Будто осознав всю силу моей решимости, реальность сжалась, и мои заледеневшие пальцы дотронулись до чего-то теплого. Этот комок впереди определенно был живым, его мягкая шерсть щекотала ладонь, посылая странные сигналы в воспаленный мозг. Я вновь провел рукой по неизвестному животному. Неожиданно тишину туннеля разорвало удовлетворенное мурчание. Бесшумно передвигаясь на мягких подушечках, невидимый в темноте кот подошел к моему распластанному телу и потерся о грудь. Его пушистый хвост щекотал мне лицо обрубленным кончиком. Продолжая мурчать, кошак ткнулся в меня влажным носом и положил мне на щеку переднюю лапку. Лапку с одним отсутствующим пальцем. Лапку, неспособную когда-либо выпустить когти, давно вырванные шайкой хулиганов.

– Макс? – это дурацкое для кота имя никогда мне не нравилось, но спорить я не мог, ведь его выбрала Широ.

Голова начала раскалываться, и все же я поднялся на колени. Силясь хоть что-то рассмотреть в густой темноте, протянул вперед руки.

– Макс, иди ко мне.

Кот лизнул мне пальцы и вдруг прыгнул на рельс, неожиданно громко шлепнув по нему лапами. Коротко и требовательно мяукнув, он потопал вперед.

– Макс, стой! – следя за затихающим мяуканьем, я побрел вперед.

С каждым новым шагом силы будто возвращались ко мне. Вскоре из-за поворота забрезжил яркий свет и, излучая тепло и человеческий гомон, выплыла станция. В начале перрона, у прикрытой решеткой лестницы, недовольно переминался на лапках мой полосатый проводник. На удивление, замка на преграде не было, и когда я приоткрыл решетку, кот шустро юркнул на платформу.

Непривычно чистый перрон буквально кишел людьми. Одетыми с иголочки, благоухающими достатком и сытостью. Некоторые из них целеустремленно спешили к лестницам переходов, другие же нетерпеливо стояли у края платформы, ежесекундно взглядываясь в электронные часы над туннелем, отсчитывающие время с момента отбытия последнего поезда. Люди разных возрастов и социального положения, все еще разделенные стенами своих уютных и не очень квартир.

– Егор, ты все-таки поймал этого несносного кошака? – ко мне, улыбаясь, подбежал чуть запыхавшийся Сашка. И тут же рывком подхватил на руки Макса.

– Какой ты, однако, шустрой, зараза. Как из переноски-то сбежал? – бурчал он, ласково тиская животное. – Широ, это все ты виновата!

– Ну, он так жалобно мяукал, вот я замок и приоткрыла…

За спиной Сани, опустив голову и разминая в руках ремень переноски, стояла она. Моя сводная младшая сестра. Уже прошло почти два с лишним года с тех пор, как родители Широ, партнеры по бизнесу и близкие друзья моего отца, погибли при аварии на Фукусиме-1. В память о них пapa удочерили осиротевшую десятилетнюю малышку.

За эти два года она, хоть и немного оправилась от потери, все еще настороженно относилась к новой семье. Будучи тихой примерной девочкой, она пугалась любого повышения голоса. Может быть, боялась, что, разозлившись, мы выгоним ее, и она снова останется одна. К слову, напрасно. Пусть Широ и не была мне родной по крови, но очень быстро стала близким и дорогим человечком. Теперь мне было кого защищать.

– Саня, – я ткнул друга кулаком под ребра и подхватил выпавшего из его рук кота. – Сколько раз говорить тебе, будь спокойнее. Подумаешь, Макс убежал. Ну побегал я за ним немного, так для здоровья же полезно.

– Был бы ты ко мне таким добрым… – прошипел Утесов, потирая живот. – Ладно, поезд вроде едет.

Люди на перроне заволновались, ближе подходя к краю платформы, чтобы первыми проникнуть в чрево вагона. Мы трое стояли чуть в стороне, решив не принимать участия в толкучке. Все равно в час пик сидячих мест не отыщешь, да и ехать нам всего две станции до Тульской.

Когда двери за нашими спинами закрылись, мы не стали отходить далеко. Я удобно пристроился в уголке между стеной и поручнями и предался своему любимому занятию – рассматриванию туннеля сквозь окно вагона.

– Нет, я все же не понимаю, где ты там этот туман рассмотрел, – невнятно пробурчал Саня, прижимаясь лбом к прохладному стеклу. – Кстати, видишь того мужика напротив, на крайнем сиденье?

Сфокусировав взгляд на окне, я разглядел отражение мужчины. Одетый в ношеный камуфляж, он сидел, опустив голову, решив, что никто не заметит, как он исподлобья рассматривает пассажиров вагона.

– Ну и? – тихо ответил я.

– Не нравится мне, как он на Широ смотрит. Может, выйдем и подождем другой поезд?

– С этими участившимися взрывами в метро ты какой-то дерганый стал. – Я повернулся боком, сильнее вжимаясь в поручень, чтобы дать человеческому потоку на Серпуховской спокойно войти в вагон.

Саня замолчал. На его лице отразилась ожесточенная работа мысли, будто он силился придумать весомый ответ.

– Знаешь, – наконец заговорил он, когда наш поезд вновь вполз в туннель. – Как говорится, лучше перебздеть...

В следующее мгновение наш вагон застонал раздираемым в клочья железом. Вдребезги разбивая стекла, внутрь ворвалась волна пыли и камня. Смешиваясь с криками сотен глоток, она резко остановила поезд, свернув его гармошкой и вырывая поручни из надежных креплений. Забившись, как безумный кролик, вагон дернулся и перевернулся, скользя на меня окровавленных людей. Я почувствовал удар по голове и провалился в удушливую тьму.

* * *

Все, что мне хотелось, – дышать. Мозг вопил о хотя бы малюсеньком глотке кислорода. Я безуспешно открывал рот, но в легкие, сдавливаемые огромной тяжестью, проникала лишь бетонная пыль вперемешку с кровью. Забившись в истерическом припадке, я старался сбросить с себя огромную тушу едва теплого мяса. Мой разум не хотел воспринимать ничего, что происходило вокруг. Он хотел только жить. Я хотел жить. Хотел дышать. Хлынувший в кровь адреналин придал сил отбитым конечностям, и, утробно захрипев, я все-таки сбросил с себя этот тяжелый мешок с костями. Перевернувшись на живот, приподнялся на руках и закашлялся, с жадностью глотая долгожданный кислород, оставляющий на языке металлический привкус крови и горький – гари, с терпкими, чуть сладковатыми нотками жженого человеческого мяса.

Когда слезящиеся от пыли и дыма глаза все-таки согласились воспринимать мир, первое, что я увидел, – женское лицо в багровых потеках. Распахнутые глаза, как зеркало, отражали мое залитое кровью лицо. В том, что она мертва, сомнений не было: буквально вбитый сильнейшим ударом в череп нос и свернутая шея не оставили шансов выжить. Судорожно сглотнув, я медленно огляделся. Всюду в совершенно неестественных позах были раскиданы человеческие тела. У некоторых не хватало конечностей, другие, как птицы на вертел, были насажены на торчавшие в разные стороны поручни. Разорванное железо вагона превратило его внутренности в мясорубку, а людей, находящихся в нем, в фарш.

Я попытался подняться на дрожащие ноги, но тело мое, непроизвольно скрючившись, выплеснуло на пол поток желудочного сока вперемешку с остатками скудного завтрака. Голова невыносимо ныла.

– Саня... Широ... – прохрипел я запекшимися губами и, больше не делая попыток встать, пополз вперед на четвереньках.

Дальний край вагона приближался медленно. Попадая в очередную багровую лужу, мои руки разъезжались, прикасаясь к останкам других пассажиров. Вот под валуном, пробившим крышу, я увидел ремень знакомой кошачьей переноски. Из разорванной ткани торчал перепачканный в крови и грязи полосатый обрубленный хвост.

– Макс, – повинувшись непонятному порыву, я погладил его, но тут же с криком отдернул руку.

Мое колено вновь повело, и я завалился спиной на труп пожилого мужчины. Верхняя часть его черепа отсутствовала, и вывалившийся на грудь, подобно галстуку, язык, казалось, пожирал ошметки его же мозгов. Закричав, я вскочил на ноги и побежал вперед, но смог сделать всего пару шагов. Споткнувшись о чью-то руку, вновь упал, сильно ударившись подбородком.

Когда в глазах перестали плавать цветные круги, в мерцающем свете я увидел впереди знакомую спину в камуфляже и тонкие ножки в детских сандаликах в цветочек. Таких знакомых сандаликах...

Я до сих пор не мог вспомнить, что сделал с мужиком, когда до меня дошло, как он поступил с моей маленькой сестренкой.

Рухнув на колени, я прижал руки к лицу и закричал. Я кричал, пока у меня хватало воздуха, потом делал вдох и выл вновь. Мой голос отражался от стен и троился, множился. Казалось, лишь спустя вечность до моих оглохших ушей донесся тоненький всхлип.

Она сидела у открытых дверей вагона, прижимая оголенные ножки к груди, и с ужасом смотрела на меня.

– Широ... – пробормотал я, протянув к ней руку.

От моего прикосновения она вздрогнула и, отпрянув от рук, юркнула в темноту туннеля. Звук ее шажков стал удаляться.

– Широ!

Я выпрыгнул из вагона и побежал за ней. Когда нас разделяла всего пара метров, она вдруг резко остановилась и развернулась ко мне лицом.

– Ты обманщик... – она шептала, но каждое ее слово отчетливо врывалось в мои уши, разрывая сознание на куски. – Ты обещал, что когда-нибудь... когда-нибудь я встречу волшебного Чeshireского кота, который уведет меня в сказочный мир...

Она всхлипнула и попыталась закутаться в остатки разорванного сарафана. Ее плечи дрожали от сдавленного плача.

– Этот мир не сказка... в нем нет волшебства... только боль и мертвцы... Это ад!

Прокричав последние слова, она с неожиданной прытью рванула вперед по туннелю, и догнать ее никак не получалось. Ее бледная тоненькая фигурка вдали, будто подсвеченная изнутри белым светом, начала вытягиваться, превращаясь в тело девушки из моих снов.

– Широ, вернись! – прокричал я, протягивая вперед руки.

В следующее мгновение я ощущил полет, следом сильный удар. Приветливая тьма вновь приняла меня в свои объятия.

* * *

Она стояла на берегу реки, кутаясь в тонкую белую шаль. Все еще темное рассветное небо купалось в обсидиановых водах, постепенно, одну за одной, топя в них звезды.

– Теперь ты боишься обнять меня? Да, Егор?

Широ чуть повернула голову, глянув на меня через плечо. Первый лучик солнца преломился во влажных дорожках от слез. Я промолчал, не в силах найти слова. Она же лишь коротко кивнула.

– Наверное, сейчас ты пытаешься понять, как смог забыть меня и все произошедшее за первые пятнадцать лет в метро, что было связано с моим существованием. Не кори себя. Тут нет твоей вины.

Она повернулась ко мне и чуть наклонила голову, заставив длинные волосы стекать по шее темной шелковистой волной. Даже следы слез на щеках не портили ее божественной красоты. Светлой красоты той повзрослевшей Широ, что я видел последний раз пять лет назад. Красоты, еще не оскверненной безумием и яростью.

– Ты знаешь, наш разум – странная штука. Он гораздо умнее нас, как бы бессмысленно это ни звучало. Порой, чтобы защитить себя от разрушения, а своего носителя от безумия, он готов вырвать из полотна твоей памяти огромные фрагменты. Не стереть безвозвратно, но спрятать в самых дальних своих уголках. Этот механизм, придуманный природой, до боли напоминает животные инстинкты...

Широ улыбнулась одними губами и плотнее закуталась в шаль.

– В конечном счете человек не так уж и далеко ушел от своих младших собратьев.

Она выглядела такой одинокой, брошенной и забытой, что мне хотелось подойти к ней, обнять, согреть. Только вот... разве можно согреть того, кто умер пять лет назад?

– Скажи... Что по ту сторону?

– Вполне ожидаемый вопрос к призраку! Браво! – она звонко засмеялась, но в голосе ее я слышал слезы. – Что ж... все, что ты видишь вокруг. И ничего. По ту сторону нет ни рая, ни ада. Нет ни раскаленных ступеней в огненную геенну, ни световых туннелей на небеса. Лишь пустота... вечная тьма. Наполненная люминесцирующим туманом, в одночасье сменяющим все двести пятьдесят шесть оттенков серого. Оглушенные чувства, гипертрофированные ощущения. И ты болтаешься в этой серой тьме, не в силах понять – плывешь или бесконечно падаешь вниз.

– Тогда что все это? Наш дом, цветочный луг, лес, река... Что это?

– Этот мир я создала для тебя. – Она опустила голову и прижала ладони к лицу – теперь голос ее звучал глухо, будто из толщи воды. – Мне было так страшно... я хотела еще раз... хотя бы разок увидеть... одиночество мучило. Там так холодно...

Вдруг она шагнула ко мне, схватилась за рубашку на груди, скав крохотные кулачки, и жалобно заглянула мне в глаза.

– Но мы можем остаться. Здесь. Больше не будет боли, страха, ненависти. Только ты и я в этом прекрасном мире. Ты и я, и больше никого. Только останься!

– Нет, – я прижал ее к себе, чувствуя, как рубашка намокает от ее горячих слез. – Нет, мой белый кролик. Ты слишком рано привела меня в этот волшебный мир.

– Как... когда ты узнал?

– Ну я же не конченый идиот, – усмехнувшись, я зарылся носом в ее пушистые, пахнущие луговыми травами волосы. – Широ Юсаги. Не знаю как тебе, но по мне очень необычное имя. Мне с самого начала было интересно, значит ли оно что-то. И каково же было мое удивление, когда я узнал, что с японского оно переводится как...

– Белый кролик, – она коротко засмеялась и замерла, нежась в моих объятиях.

Пока солнце целиком не поднялось над горизонтом, мы так и стояли, будто пытаясь впитать как можно больше тепла друг друга. Запомнить нежность... в последний раз.

– Тебе пора? – тихо проговорила она, отпуская мою спину.

– Да.

Высвободившись, Широ начала медленно отходить назад к реке, несущей осколки розовевшего неба.

– Наконец-то ты нашел своего белого кролика... – едва слышно проговорила она, глотая слезы. – Прости... Прости меня, Егор... Прощай...

* * *

Я пришел в себя на холодном пыльном полу незнакомой комнаты, слабо освещенной находящейся в дальнем углу керосинкой. В ноздри сразу ударил кислый запах гниющего мяса. Поднявшись на четвереньки, я огляделся. Вокруг стояли полупустые коробки с консервами. Часть жестяных банок была вскрыта и источала то самое зловоние, заставляющее слезиться глаза. Пытаясь расправиться, я случайно свалил одну из коробок, и ее содержимое выплеснулось на пол. В массе, некогда бывшей тушеною, лениво копошились жирные белесые черви. Брезгливо поморщившись, я решил сфокусировать расплывающееся зрение на чем-нибудь другом. Выбор пал на ближайшую стену. Когда в глазах перестали кружиться мушки, мне удалось разглядеть на ней старую, выцветшую от времени и сырости надпись. Всего две буквы: Д-6.

– Вот тебе и провалился в кроличью нору... – пробормотал я, поднимая гудящую голову.

Непосредственно надо мной зиял провал открытого ржавого люка, за которым виднелась горловина довольно глубокой шахты со вбитыми в стены скобами. На запрокидывание ушибленной головы мозг отзывался головокружением, тем самым настойчиво рекомендуя вернуть черепушку в положенную ей плоскость. Сопротивляясь я не стал и, стараясь держать голову как можно ровнее, зашагал вперед на свет керосинки.

У ящика, на котором стояла допотопная лампа, я ее и нашел. Обтянутый пожелтевшей кожей, будто мумифицированный скелет сидел, прислонившись позвоночником к стене. Целехонькая одежда, висящая на нем как на вешалке, радовала глаз чистотой. Рассыпавшиеся по плечам черные длинные волосы тускло блестели в слабом желтоватом свете. От их ухоженного вида стало немного жутковато.

«Трепещущий свет керосинки разрисовывает ее лицо карикатурными тенями. Она улыбается так счастливо... так безумно. Хищный блеск глаз отражается на лезвии ножа.

– Ну что, кошак, дрожишь? Правильно. У тебя, жалкой скотины, так и не хватило смелости прийти за мной. А я ждала. Я так долго тебя ждала...

Коротко засмеявшись, она подошла ближе к нам и присела на корточки, откинув за плечо черную прядку, упавшую на лицо.

– Ну да ничего. Раз струсил ты, я сама тебя нашла, – рассматривая наши окаменевшие лица, она облизала пухлые губы и улыбнулась еще шире. – Это было трудно. Ты и в своем мире – мастер маскировки, а уж в нашем-то... Я даже пару раз ошиблась... пару десятков раз. Но это тоже не страшно. Подумаешь, уменьшила поголовье ублюдков с яйцами. Может, оставшиеся даже поутихнут и будут держать свое хозяйство в штанах. Мерзкие черви с таким гордым названием – мужчины...

На мгновение улыбка пропала с ее точеного лица, и нож, порхавший между хрупкими ладонями, замер, тисками зажатый в кулаке.

– Широ, пожалуйста...

– Пожалуйста? Что пожалуйста? Ты ведь тоже устал от этого грязного, смердящего, серого мира! От этого жалкого, слабого тела... Потерпи немножко, я освобожу тебя. И мы вместе отправимся в прекрасную страну сражаться с Красной королевой».

Шорох и слабое звяканье металла вернули меня из очередной порции воспоминаний. Присмотревшись к стене, я подковырнул ногтем висящую на ней огромную схему Метро-2. Как и ожидалось, она была закреплена только сверху, и то лишь для того, чтобы замаскировать металлическую дверь, на удивление не запертую. Хотя, открыв ее, я понял, почему хозяин этой берлоги не позаботился о сохранности содержимого соседнего помещения. Его пленница, даже если бы захотела, сбежать не смогла.

В крохотной каморке воняло особенно мерзко. Запах застарелых человеческих испражнений и засохшей крови пропитал воздух. У дальней стены, в ворохе грязного барахла, сидела последняя жертва Чешира. Даже сквозь грязь и синяки от побоев все еще можно было узнать Аню. Руки ее были плотно прикручены толстой проволокой к выступающим трубам. Увидев меня, она что-то неразборчиво простонала.

– Подожди, – пробормотал я, оглядывая помещение в поисках инструмента, с помощью которого можно было бы раскрутить проволоку. – Подожди минутку, я сейчас.

У левой стены, почти сразу рядом со входом, стоял еще один ящик. Вокруг него были раскиданы десятки карт, присыпанных пеплом и вафлеными окурками. Но самым интересным экспонатом был старый кожаный чемоданчик, покрытый багровыми пятнами. Внутри него таились всевозможные заточки кустарного производства и инструменты, применявшиеся явно не для починки механики, о чем свидетельствовали все те же застарелые кровавые пятна, въевшиеся в металл настолько, что вряд ли их удалось бы оттереть и хлоркой.

Освободив девушку, я взял ее на руки и вышел из каморки. Но перед тем, как покинуть старый продовольственный склад, пододвинул под люк один из ящиков и заклинил его, сломав покрытый хлопьями ржавчины запор при помощи найденной фомки. Керосинку я все же решил не тушить – пожар, даже если он и случится, в закрытом помещении угаснет быстро, не нанеся особого ущерба. Так что пусть она погорит хотя бы еще некоторое время. Может, тогда Широ не будет так страшно. Она ведь всегда боялась темноты.

«– Егорка, расскажи мне сказку!

– Ну, ты же совсем взрослая. Ладно, только не смотри на меня так жалобно. Одну, договорились? Закутайся в одеяло и закрой глазки. Какую ты хочешь?

– Про Алису и Чеширского кота!

– Опять? Может, какую-нибудь другую? Например, про огра Шрека? Хорошо, хорошо, не кидайся подушкой. Вот, держи. Укладывайся. Укладывайся, кому говорю, будет тебе Алиса. Все, готова? Ну, слушай. Сидела Алиса на берегу и маялась от безделья, что, как известно, дело совсем непростое. И вдруг прямо перед ней появился пушистый белый кролик...»

В последний раз взглянув на ее останки, я тихонько закрыл дверь.

Спокойной ночи, Широ. Сладких и цветных тебе снов.

* * *

Я без стука вошел в свой кабинет на Красных Воротах. Точнее сказать, бывший мой кабинет. Табличку с именем уже сняли, заменив на новую. За столом, роясь в некогда моих бумагах ироняя на них сигаретный пепел, сидел Саня. Его профиль, освещенный слабой сорокаваттной лампой, казался мне неожиданно хищным. Хотя какая теперь разница.

– И когда это вам успели дать капитана, Александр Утесов?

От моего голоса он вздрогнул и резко подорвался со стула. Даже удивительно, как можно было так долго оставаться на плаву с его-то внимательностью. Хотя кто знает, может, безумие все же в силах даровать нам новые, несвойственные черты.

– Егор... – обалдело пробормотал он и шагнул ко мне.

Схватив за руку, он втащил меня глубже в кабинет и, на мгновение высунув голову на станцию, плотно прикрыл дверь.

– Ты как сюда пробрался? Дежурные тебя видели? – зашептал он.

– Не видели, не волнуйся. Оказывается, даже прожив в метро двадцать лет, я многого не понимал в его строении. Ты знал, что, используя тунNELи Д-6, можно незаметно попасть практически на любую станцию в обход постов? Довольно удобно.

Он дрогнул. Всего на мгновение маска безразличия и спокойствия слетела с его лица, но и этого было достаточно. Признаться, я все равно до последнего надеялся, что ошибся, и сейчас не почувствовал радости или удовлетворения. Лишь глубокую жалость на пару со смертельной усталостью.

– Скажи, ведь ты специально рассказал остальным о моем лунатизме? Ведь в этот раз я так удачно и надолго отрубился...

– Не понимаю, о чем ты, – в его голосе звучал металл. Неужели это тот самый Сашка, мой друг детства? Пожалуй, единственный мой друг.

– Прекрати. Я так устал, ты не представляешь. Эта гонка высушила меня до дна... Зато я вспомнил.

– Что именно?

– Все... – Я прошел мимо него и опустился на стул. На самом деле мне необходима была небольшая передышка, чтобы собраться с мыслями. – Наши первые годы в метро, день Удара, Широ... И подробности дела об Алисе.

– Так это... это же здорово! – Он подошел ко мне и сжал мои плечи, доверительно заглядывая в глаза.

Более глупый человек прочитал бы в его поведении неподдельную радость. Но теперь все его уловки, вся его игра больше не имели на меня влияния. Я наконец прозрел.

– Здорово. Но только для меня, – медленно сняв с плеч его руки, я с силой сжал запястья. – Скажи мне только одно... объясни мне, зачем?

– Егор, ты на радостях бредить начал? – Он улыбнулся и попытался освободить руки.

Дернув на себя, я заставил его смотреть мне в глаза. Для того, чтобы точно увидеть момент, когда его маска потрескается и опадет, открывая гнилое нутро. Опадет вместе с частичкой меня.

– Зачем?

Медленно отпустив его левую руку, приподнял рукав на правой, с сожалением обнаруживая на предплечье рваные полосы от ногтей.

– Что ж, ладно, – лицо его разом стало скучающим, надменным. Будто кто-то щелкнул выключателем. – Вижу, играть нет больше смысла. Честно говоря, я уже заждался, даже начал сомневаться в твоих умственных способностях. Хотя, казалось бы, я столько знаков тебе оставлял.

– Мразь... – Я отпустил его руку и презрительно вытер ладони о куртку.

– Вот не надо. Потаскушки заслужили свою участь. Они точно знали, где прячется эта сука. Я уверен. Хотя... – Он театральным жестом задумчивости прислонил указательный палец правой руки к подбородку. – Может, мне повезло больше и одна из них как раз и была Алисой.

– Какой Алисой... о чём ты?

– Той самой Алисой! – он начал кричать. – Убийцей из дела пятилетней давности! Той сволочью, что выкрала нас с тобой, издевалась, а потом заставила тебя убить Широ у меня на глазах! Мою Широ!

Вдруг он резко успокоился и расслабленно оперся спиной о стену, сложив руки на груди.

– Ты же сказал, что все вспомнил.

– Все. Именно поэтому уверен, что ты никогда не найдешь Алису. Невозможно второй раз убить мертвого.

– Ты ошибаешься. Мы ее тогда так и не нашли! Эта тварь все еще безнаказанно гуляет по метро. И мне есть что с нее спросить. За тебя, за Широ!

– Идиот! – Я больше не мог сдерживаться. Поднявшись со стула, я буквально навис над Утесовым. – Да Широ и была убийцей! Это она заточила нас на складе Д-6! И я убил ее, спасая тебе жизнь!

В его расширившихся глазах я отражался невероятным великаном, в руках которого была его судьба. И сейчас я собирался разрушить ее. Нет. Я уже ее разрушил.

– После того случая во время бомбёжки она так и не смогла оправиться. На людях, для нас, Широ делала вид. Играла беззаботную девочку, тем временем долгих пятнадцать лет вынашивая в больном мозгу план. План найти волшебного Чeshireского кота, который отведет ее в обещанный мною волшебный мир! Наслушавшись от членков историй об оборотнях, скидывающих кожу во время перевоплощений, Широ решила, что он, скорее всего, прячется в человеческом обличии. В мужском обличии. И чтобы вернуть его в изначальную форму, необходимо снять с мужчины кожу. Естественно, не позволяя ему при этом умереть.

Я опустил голову, погружаясь в воспоминания. Картинки, долгое время скрытые в закромах памяти, калейдоскопом пролетели перед глазами.

– Но, в конце концов, это было невозможно. Ее жертвы умирали, так и не превратившись. И тогда измученный неудачами больной разум пришел к очередному гениальному выводу. Если ей никак не удается найти кота, то, может, дело в том, что все это время он был рядом с ней?

Слова давались все сложнее. Я с силой сжал кулаки. Боль от впившихся в ладони ногтей придала мне решимости.

– Вначале Широ не хотела делать нам слишком больно. Ведь... ведь мы были ее семьей. И она любила нас. Любила нас обоих. Но все же... все же ее безумие пересилило даже эти чувства. Даже ее страх остаться одной. И тогда она решила взяться за тебя. Мне пришлось... пришлось убить ее. Ее кровь на моих руках!

Я закрыл глаза, всеми силами стараясь прервать течение маленьких соленых рек по моим щекам. Мужчины не плачут? Неправда. Если вы никогда не видели, это не значит, что нам не бывает настолько больно.

– Мне никогда ее не отмыть. Но знаешь, в последние минуты... за мгновение до смерти она... попросила прощения. Только на Пороге она смогла вновь стать прежней Широ. Так что... так что я убил не монстра в ее теле. Я убил настоящую Широ. Наверное, именно это раскололо мой разум.

Я замолчал, слушая, как бешено бьется в груди сердце. Тот вихрь отчаяния, что все эти годы был заперт в клетке памяти, вырвался наружу, разрушая на своем пути все остальные чувства. И вместе с тем принося с собой какой-то болезненный покой.

– Но ты, Саша... Как ты вляпался во все это? Я думал, что с ее смертью все прекратится. Зачем же... зачем...

– Ты же знаешь... Вся наша жизнь – бесконечный бег по замкнутой спирали...

Кивнув, я подошел к двери и распахнул ее. В комнату тут же вошли двое вооруженных солдат.

– Александр Утесов. Вы обвиняетесь в серийных убийствах. Прошу, не оказывайте сопротивление. Это может сыграть против вас в суде, – и только проговорив эту фразу, я понял, что все наконец действительно завершилось.

Когда патруль вывел Утеса из кабинета, я плотно закрыл дверь и направился в сторону закусочной, где ждала меня Аня. На полупути меня догнал старший смены и, отдав воинское приветствие, поинтересовался:

– Товарищ старший сержант, если не секрет и не государственная тайна, расскажите, как вы догадались, что Утесов и есть Чешир? Вам все рассказала спасенная девушка?

– Не секрет, но желательно, чтобы до суда дальше ваши ушей этот факт не пошел. – Я тяжело вздохнул. – В каморке, где он держал жертву, я обнаружил множество окурков.

– И все? – Паренек выглядел разочарованным. Не волнуйся, служивый, мне есть чем тебя удивить.

– И все, – я улыбнулся. – Всего лишь множество обвафленных окурков, скрученных буквой «С». А теперь прости, мне пора. Ждут великие дела.

Оставив позади продолжающего хлопать обалделыми глазами солдатика, я благополучно добрался до закусочной. За дальним столом, бодро хлебая грибной супчик, сидела умытая и переодетая Анечка. Румянец пока еще не вернулся на посиневшее от побоев лицо, но выглядела она явно лучше.

– Ну что, Ань, вкусный супчик? Стоит и мне его заказать?

– Вполне ничего, хотя в смену тети Зины он получается явно удачней, – отозвалась она, оторвавшись от трапезы ради лучезарной улыбки.

– Раз все равно вкусный, то возьму. Тебе еще чего надо?

– Нет, нет. Его вполне достаточно.

Отойдя к прилавку с порциями, я не видел, что стоило мне отвернуться, и улыбка моментально сползла с лица девушки, превратившись в звериный оскал.

– Меня зовут Алиса, ублюдок...

Александр Лепехин Скобари

По туннелю шел человек. Его шаг был не шире длины стопы – точнее, подошвы армейского ботинка. Человек наступал на шпалу, мягко соскальзывал с нее и наступал уже на следующую. Торс идущего в этом движении практически не участвовал – работали только бедра, колени и стопы. А человек шел. Во тьме.

Выходи кто ему навстречу, вооруженный фонарем, он бы разглядел детали. Что путешественник этот пола мужеского, молодой, тощий, рослый и небритый. Что одет по-походному: упомянутые ботинки, потертые брюки-карго, куртка-анорак и вязаная шапка, скрывающая глаза. И что глаза человека, если заглянуть под шапку и отодвинуть падающие на лицо темные волосы, закрыты. Впрочем, фонаря ни у кого не было. Да и никого тоже не было.

В руках он держал непонятное. Не то посох, не то копье, слабо мерцающее темно-синим металлом. Со стороны, противоположной длинному, скорее режущему, чем колющеому острию, имелся массивный граненый противовес. Ближе к середине на древко были намотаны какие-то тряпки и кожаные ремешки. Длинные хвосты этой оплетки, украшенные узелками, черепами мелких животных и камешками, свисали почти до земли.

Ритмичные шаги были негромкими. Хруст гравия между шпалами сливался с тихим позыванием амулетов на копье. Эта неожиданная для туннелей музыка словно сопровождала элементы танца. Шаг-шаг-шаг-точка. Раз-два-три-восемь. Иногда контрапунктом падали капли конденсата или потрескивали тюбинги – метро тоже хотело танцевать.

Вдруг человек остановился. Поставил свое орудие и повернул голову в сторону, будто прислушивался. Тут же стало понятно, что шагали еще как минимум двое.

Со спины к первому путешественнику подошла молодая женщина. Была она коренастая, крепка и одета примерно так же, как спутник. Светлые, почти белые волосы коротко, помальчишечки острижены – для удобства, а не красоты, но получилось задорно и неожиданно изящно.

Не прилагая видимых усилий, женщина несла объемный рюкзак, а на скрещенных на груди руках располагался массивный охотничий карабин. Губы, словно вычерченные сангиной, едва заметно шевелились и порой складывались в улыбку. Могло показаться, что где-то идет разговор, доступный только ей одной – и тому, с кем она говорит. Отсутствие света путешественнице не мешало. Ее взгляд словно сканировал рельсы, шпалы, крюки для кабелей, бетонные кольца, тьму вокруг. И застывшего спутника.

Сразу за женщиной – хотя, скорее, все-таки девушкой – чуть со стороны подошла малышка. На вид не старше пяти лет, в мешковатом комбинезоне и бейсболке козырьком назад. Она просто молчала, переминалась с ноги на ногу и сопела. Вела себя так, будто ходить по давно опустевшим туннелям в полной темноте ей было не привыкать. Так, будто она здесь жила.

Человек с копьем постоял еще, медленно стянул шапку и кинул ее на гравий. Выглядел он плохо – бледная кожа, нездоровы румянец, мешки под глазами; явно был слегка не в себе.

Впрочем, глаза человек так и не открыл. Просто стоял. Стоял и слушал, как бормочут капли и постанывают тюбинги. Метро о чем-то рассказывало, и это было важно.

– Здесь, да? – уточнила девушка с карабином. Вслух ей никто не ответил. Только что-то шевельнулось в воздухе: не то заплесневелая память, не то мечты о несбывшемся, не то обычный сквозняк.

Тогда девушка развернулась назад, против хода движения. Аккуратно положила рюкзак за контактный рельс, опустилась на одно колено и взяла оружие на изготовку, поводя стволом

по сторонам. Словно вот так стоять и ждать не пойми чего для нее было рядовым делом. Словно она знала, что это самое не пойми что может произойти с вероятностью, отличной от нулевой. И что карабин в этом случае окажется *ultimo ratio regum* – «последним доводом королей».

Бейсболка, до этого никак не реагировавшая на окружающий мир, юркнула между старшими. Посмотрела на обоих по очереди, кивнула сама себе. В руках у нее откуда-то взялся нож – почти настоящая наваха. Лезвие складника щелкнуло, поцеловало противоположную ладонь, жадно втянуло выступившую багровую влагу. Зрешище не для слабонервных – впрочем, откуда им взяться в туннеле? А вот тьмы – да, тьмы оказалось изрядно. И когда она сгустилась, когда стало нечем дышать, когда дробь капель и скрежет бетона стали невыносимы – человек с копьем ударил в пол.

* * *

В сторону Мужества сегодня дежурили Эйнштейн и Цыпа. Последний, конечно, попытался возбухнуть: мол, какой смысл сидеть на КПП и плятиться на рельсы, если за последние девятнадцать лет ни с той, ни с другой стороны никто не пришел – и не придет, потому что, мать-мать-мать, некому ходить-то, вот ведь сюрприз какой. Но бухтел он больше по привычке: не умел приниматься за дело, не поворчав для порядка. Эйнштейн же молча пожал плечами, взял полагающуюся дежурным снарягу и первым потопал в туннель.

В быту, кстати, почти никто и не говорил «в сторону Мужества»: «на Размыв», «на Пробку» – и махали рукой по направлению. В сторону Выборгской тоже махали: это было «на Завал». Но дежурные подчинялись грозному и ритмичному документу под именем «Штатное расписание», а у расписания был свой язык.

Курить на посту не возбранялось. Главным было не светить угольком поверх бруствера, а на табачный дух, поразмыслив, махнули рукой: все равно с платформы тянуло, так какая разница, больше или меньше? Поэтому сейчас Цыпа занимался любимым делом – потрошил старые бычки в жестянную банку и аккуратно набивал этой адской смесью где-то откопанную трубку.

Когда подобное увидел Павел Первый, обитатели станции получили редкий шанс наблюдать на лице начальства искреннее недоумение. Последовала долгая лекция о правильных трубочных табаках, плотности набивки и о каноничном раскуривании. Впрочем, с табаками было туда. Как и со всем остальным, поэтому уже через неделю за тем же занятием был с поличным пойман Павел Второй. Первый махнул рукой, произнес короткую, но прочувствованную речь об извращенцах – и практику подхватили все остальные.

Эйнштейн не употреблял. Он покосился на товарища недовольным карим глазом, хмыкнул и снова уставился в туннель. Цыпа затянулся, сплюнул и, решив, что разговаривать с самим собой все же несколько экстравагантно, обернулся к напарнику:

– Ну вот сам посуди...

– Карцовский! – Карий глаз снова дернулся под бровью, сощурился и заискрил. – Если ты хочешь сказать мне что-то оригинальное – дай знак, и я с интересом выслушаю. А если это твой обычный бубнеж за безысходность и тлен, то я, пожалуй, тебя свяжу. И использую вместо кляпа все, что там в банке накрошено. Лады?

Эйнштейн не вел светских бесед. Но если уж его прорывало, экспрессии хватало на пятерых. Цыпа замахал руками.

– Да тише, тише, брат... – Притворный ужас выглядел почти натурально. – У матросов нет вопросов. Сиди себе, шпалы считай, сколько влезет. Вон той вчера не было, железно говорю! Чтоб меня монтер забрал... Это непременно надо учесть и в журнале отметить!

Он еще немного пожестикулировал, поиграл бровями, подвигал национальной гордостью – характерным выразительным шнобелем. Потом вдруг как-то разом скис, еще раз затянулся и пробурчал:

– А если без шуток, устал я, друг мой любезный. От всего вот этого вот устал. Даже от песенки своей. Жрет метро мою душеньку, пьет из нее без бомбильи. А душевная беседа с общительным и харизматичным человеком, как ты знаешь, помогает снять стресс. Ну, в теории.

Эйнштейн не любопытствовал впустую. Он снова покосился на Цыпу и не стал уточнять, откуда тому известно слово «бомбилья». Ясное дело откуда: библиотека на станции собралась знатная. Прямо перед Катастрофой в дом возле вестибюля воткнули книжный магазин. За первые пару месяцев его содержимое почти целиком перетаскали вниз: подняться, влезть, собрать – и на базу. Долгосрочный вклад в будущее.

Свою роль сыграли и общежития Политеха, откуда многие бежали к метро, по привычке сунув в рюкзаки конспекты да методички. Средний уровень эрудиции на Лесной был высок до неприличия. Практическое применение знаниям тоже нашлось: электрика, механика, агрономии, социологии… Жили на изолированной станции в целом недурственно. Жили – не тужили. Пока не началось.

Цыпа, собственно, Цыпой был только для краткости. Интеллигентные родители нарекли не менее интеллигентного потомка Иннокентием Аркадьевичем Карцовским. Словно надеялись, что однажды старый мир вернется – с его торжественными обращениями по имени-отчеству и канцелярскими табличками на должностных дверях. Но мир не вернулся и даже пока не планировал. А Иннокентий Аркадьевич стал Цыпой.

Кличку он получил за невеликий рост и общую субтильность. А также за привычку, как выразился Павел Второй, «квохтать по пустякам». С Эйнштейном было еще проще: по паспорту его звали Альберт. Правда, кто из родителей придумал так именовать натурального казаха по фамилии Ниязымбетов, история умалчивала. Как и о том, куда эти самые родители делись.

Эйнштейну-Альберту было все равно. Или, по крайней мере, так казалось со стороны. Он только кисло поморщился на словах «общительный и харизматичный».

– Карцовский, давай лучше анекдот. Это будет взаимоприятно: ты трепещешься, я слушаю, оба ржем. Идет?

– Не вопрос! – Цыпа оживился. – Значит, так. Попали на необитаемую станцию…

– Было.

– Что, уже рассказывал? Тогда слушай другой: у одного диггера спросили…

– Было.

– Ты зануда. Так, а если про морсвинку и Блокадника?

– Подожди. Слушай.

Когда Эйнштейн говорил «слушай» – надлежало замереть. И слушать всеми ушами, желательно отращивая в процессе дополнительные. Цыпа быстро сунул трубку в банку, подхватил АКСУ и вопросительно уставился на друга.

– Где?

Тот встал с патронного ящика, сгорбился, растопырил пальцы. Глаза перестали искрить карим, спрятавшись под мохнатые ресницы.

– Вроде… Вроде за гермой.

Карцовский дернулся и тут же развернулся в сторону эскалаторной шахты. Товарищ едва успел сцепить его за рукав.

– Не там. Не за той гермой. За другой.

Брови Цыпы удивленно взлетели вверх. Он шлепнул губами, с неприличным шумом выдохнул через них…

И тут до него тоже долетело.

Бетон дрогнул. Несильно, но ощутимо. Банка с куревом издала ехидный жестяной звук; пламя карбидки, упрятанной под бруствер, покачнулось. Дежурные переглянулись.

– Цыпа, наблюдение. – Эйнштейн ткнул в сторону футляра с ПНВ, а сам подбежал к висящему на стене алюминиевому ящику, из которого на неверный полусвет извлек телефонную трубку: рыжую, пластиковую, угловатую. – Павел Павлович, у нас... да хрень пойми, что тут у нас. Где-то в перегоне до Мужества. Я слышал. Даже Карцовский слышал. Может такое быть, что?..

Он не договорил. Договариваться было... зябко. Альберт мало чего боялся, но про некоторые вещи на Лесной все предпочитали выразительно молчать.

– Принято, – захрипели в трубке. Голос был нетороплив, даже задумчив. – Мы тут тоже... Обратили внимание. Был толчок? Сейсмический?

– Был, Павел Павлович. Эпицентр... – Снова шевеление пальцами, опущенные ресницы. – Эпицентр где-то возле гермы. Или у забутовки. Не граната, не мина. Что-то тяжелое. Может, туннель просел?

– Проверим, – пообещала трубка. – Продолжать наблюдение, держать связь. Высылаю подкрепление, но на всякий случай – подготовить отход. Герои мне не нужны. Отбой.

Павел Второй, судя по размеренному тону, изрядно напрягся. Это хорошо. Когда Второй напрягается – народ начинает бегать и делать, неприятных неожиданностей тогда удается избежать. Эйнштейн с одобрением дернул уголком рта и снова прислушался.

– Тихо. Давно тихо?

– А я знаю? – огрызнулся Цыпа, терзая ПНВ. – Это у тебя слух, как у летучей мыши. Мутант, блин. А я уже веки натер наглазниками, и ни хрена...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.